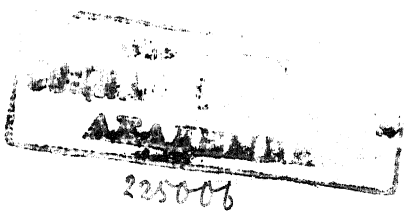
Изъ программныхъ статей „Земли и Воли“



ЖЕНЕВА
Изданіе Г. А. Куклина.
116. rue de Carouge.
1903.

Прот 49



Изъ программной статьи газеты «Земля и Воля».

Земля и Воля! — Вотъ тотъ девизъ, который написали на своемъ знамени, вѣрные духу и исторіи своего народа, наши предшественники, соціалисты-народники 70-хъ годовъ.

Тѣ-же слова пишемъ на нашемъ знамени и мы.

Мы убѣждены, что только тѣ культурныя формы имѣютъ историческое будущее, которыя коренятся въ умахъ и стремленіяхъ народныхъ массъ; мы не вѣримъ въ возможность путемъ предварительной работы создать въ народѣ идеалы, отличные отъ развитыхъ въ немъ всей предшествующей его исторіей. На всѣ попытки подобнаго рода мы смотримъ, какъ на совершенно неразсчетливую трату силъ, потому что опытъ всѣхъ прошлыхъ движеній, во всѣхъ земляхъ и у всѣхъ народовъ, начиная съ крестьянскихъ возстаній и кончая Парижской коммуной, показываетъ намъ, что всякое революціонное движеніе, по мѣрѣ своего расширенія, необходимымъ образомъ развиваетъ, очищаетъ и совершенствуетъ тѣ революціонные элементы, которые послужили первоначальнымъ стимуломъ движенія.

Революціи—дѣло народныхъ массъ. Подготовляетъ ихъ исторія. Революціонеры ничего поправить не въ силахъ. Они могутъ быть только орудіями исторіи, выразителями народныхъ стремленій. Роль ихъ заключается только въ томъ, чтобы, организуя народъ во имя его стремленій и требованій и поднимая его на борьбу съ цѣлью ихъ осуществленія, содѣйствовать ускоренію того революціоннаго процесса, который, по непреложнымъ законамъ исторіи, совершается въ данный періодъ. Внѣ этой роли, они — ничто; въ предѣлахъ ея, они — одинъ изъ могущественныхъ факторовъ исторіи.

Поэтому, основаніемъ всякой истинно-революціонной программы должны быть народные идеалы, какъ ихъ создала исторія въ данное время и въ данной мѣстности.

Во всѣ времена, гдѣ-бы и въ какихъ-бы размѣрахъ ни поднимался русскій народъ, онъ требовалъ Земли и Воли?

Земли — какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и Воли — какъ общаго права всѣхъ людей самимъ распоряжаться своими дѣлами.

Отнятіе земель у помѣщиковъ и бояръ, изгнаніе, а иногда поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей государства и учрежденіе «казачьихъ круговъ», т. е. вольныхъ, автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли, — такова была всегда неизмѣнная «программа» народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ.

Такова-же, безъ, сомнѣнія, остается она и теперь для громаднаго большинства русскаго народа.

Поэтому ее принимаемъ и мы революціонеры-народники.

Этой программой мы выдвигаемъ на первый планъ вопросъ аграрный. Вопросъ-же фабричный мы оставляемъ въ тѣни, и не потому, чтобы не считали экспропріацію фабрикъ необходимою, а потому что исторія, поставившая на первый планъ въ Западной Европѣ вопросъ фабричный, у насъ его не выдвинула вовсе, замѣнивъ его вопросомъ аграрнымъ. А между тѣмъ, революціонное движеніе, поднявшееся во имя земли, на другой-же день роковымъ образомъ само придетъ къ сознанію необходимости экспропріаціи фабрикъ и полнаго уничтоженія всякаго капиталистическаго производства, потому что, сохранивъ его, оно само вырыло бы себѣ могилу. Точно такъ и городское соціалистическое движеніе, если-бы оно началось независимо отъ деревень, неминуемо наткнулось-бы съ первыхъ-же шаговъ на вопросъ о соціализмѣ аграрномъ.

По тѣмъ-же причинамъ не станемъ мы предрѣшать въ нашей программѣ вопросовъ, касающихся частныхъ формъ будущаго соціалистическаго строя. Все это вопросы будущаго, Предоставимъ-же будущее будущему. Настоящему предстоитъ достаточно громадная задача: осуществленіе народной революціи, которая одна въ состояніи развить будущій соціалистическій строй изъ тѣхъ элементарныхъ основъ соціализма, которые ужъ созданы въ умахъ народа.

Организація общества «Земля и Воля».

Общество «Земля и Воля», въ виду предстоящей ему разнообразной дѣятельности, раздѣлилось на слѣдующія группы: 1) администрація, или центръ; 2) группа для пропаганды среди молодежи: 3) рабочая группа для пропаганды среди рабочихъ: 4) группа дезорганизаторская; 5) деревенщики, для непосредственной организаціи народа. Кромѣ того, скоро выработался такъ называемый Совѣтъ, какъ выразитель мнѣнія всѣхъ тѣхъ членовъ общества, которые фактически могли въ извѣстный моментъ дать свой голосъ по какому-либо важному и въ то-же время экстренному дѣлу. Вотъ что пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о назначеніи и роли этихъ группъ одинъ изъ серіозныхъ землевольцевъ, который участвовалъ въ «Землѣ и Волѣ» съ самаго ея начала до конца (имени его, къ сожалѣнію, я не могу упомянуть):

«А) *Администрація* («центръ»).—Она, какъ названіе ея показываетъ, вѣдала всѣ дѣла общества. Мѣстопребываніемъ администраціи должна была быть обязательно столица (Петербургъ). Составъ ея мѣняется и члены ея выбираются по большинству голосовъ. Это была самая дѣятельная группа при основаніи общества. Да иначе и не могло быть. Работа была самая египетская. Помимо того, что группа управляла всѣми дѣлами общества, она еще служила бюро для всевозможныхъ справокъ постороннимъ лицамъ. Въ рукахъ администраціи была и «небесная канцеляція» (паспортное отдѣленіе, фабрикація паспортовъ), а это одно поглощало много времени, особенно впослѣдствіи, когда запросъ на паспорта увеличился до нельзя. Это вынудило администрацію образовать особую паспортную группу съ ея подраздѣленіями. Какъ ни велико было значеніе администраціи, но она не могла сдѣлать серьезнаго шага, не спросивши разрѣшенія *Совѣта*, а въ очень важныхъ случаяхъ и согласія всѣхъ членовъ общества. „Совѣтъ“ собственно не составлялъ отдѣльной группы съ опредѣленными обязанностями. Да и составъ его крайне измѣнялся. Въ него, со включеніемъ Администраціи, входили тѣ члены общества, которые постоянно или временно находились въ Петербургѣ по своимъ дѣламъ. Когда предстояло дѣло, не терпящее

отлагательства, то Администрація обыкновенно обращалась за совѣтомъ и указаніями ко всѣмъ находящимся въ наличности членамъ общества. Практика укрѣпила этотъ обычай, и Совѣтъ сталъ существовать *фактически*, какъ очень полезная пружина въ общемъ механизмѣ управленія.

«Б) *Интеллигентная группа*.—Пропаганда, агитація и организація въ средѣ молодежи.

«В) *Рабочая группа*.—То-же въ средѣ рабочихъ.

«Г) *Деревенщина*.—Самая многочисленная группа, поприщемъ дѣятельности которой была провинція вообще.

«Д) *Дезорганизаторская группа*.—Характеръ дѣятельности это группы, тѣ широкія полномочія, которыя она получила отъ общества, сразу поставили ее въ исключительное положеніе. Дезорганизаторская дѣятельность, въ широкомъ смыслѣ этого слова, имѣла цѣлью рядомъ разнообразныхъ дѣйствій и положеній ослабить правительственный механизмъ, внося въ него элементы вражды и разложенія. Членамъ этой группы вмѣнялось, между прочимъ, въ обязанность завязывать сношенія съ разнообразными лицами правительственныхъ сферъ, съ тѣмъ, чтобы, при помощи этихъ послѣднихъ, открывалась возможность къ занятію важныхъ для революціонныхъ цѣлей должностей. Въ спеціальномъ смыслѣ дезорганизаторская дѣятельность преслѣдовала слѣдующія цѣли: 1) освобожденіе изъ-подъ ареста товарищей; 2) защита отъ правительственнаго произвола. Уже тогда было извѣстно, что правительственныя лица, особенно въ тюрьмахъ, позволяютъ себѣ возмутительные поступки съ заключенными, чтобы вынудить у нихъ нужныя имъ показанія. Въ виду этого общество «Земля и Воля», не задаваясь непосредственною цѣлью борьбы съ правительствомъ, сочло тѣмъ не менѣе нужнымъ создать группу для *спеціальныхъ* случаевъ такой борьбы, когда этого, напримѣръ, требовала честь всей революціонной партіи. 3) Самозащита. Случаи измѣны уже были въ то время, а въ виду расширяющагося изо дня въ день революціоннаго движенія ихъ слѣдовало естественно ждать и въ будущемъ. Поэтому общество возложило на дезорганизаторовъ обязанность, въ случаѣ несомнѣнно доказанной измѣны того или другого лица, «изъять это послѣднее

изъ обращенія». т. е. убить. Необходимость и возможность этой мѣры доказаны впослѣдствіи опытомъ. По уставу общества, дезорганизаторской группѣ были предоставлены широкія полномочія и значительныя матеріальныя средства. Дезорганизаторская группа имѣетъ право образовать секцію съ такимъ же направленіемъ вездѣ, гдѣ по обстоятельствамъ она найдетъ это нужнымъ. Всѣ предпріятія дезорганизаціоннаго свойства должны вестись строго-конспиративно. Администрація или Совѣтъ должны лишь знать въ самыхъ *общихъ* чертахъ о предполагаемомъ дезорганизаторскомъ поступкѣ; всякія-же *детали* остаются въ глубокой тайнѣ».

Что касается собственно устава общества, то у того-же автора мы находимъ на этотъ счетъ нѣсколько общихъ указаній безъ всякихъ подробностей. Между прочимъ каждой группѣ и каждому члену группы вмѣнялось въ обязанность всячески вызывать образованіе новыхъ секцій, преслѣдующихъ тѣ-же цѣли и по тому-же плану, что и общество. Примыкая къ нему, секціи сохраняютъ полную автономію въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Въ виду возможной убыли членовъ, основателю секціи дается право привлекать къ обществу тѣхъ или другихъ лицъ, согласно уставу. Наконецъ, уставъ требовалъ годичнаго пересмотра программы.

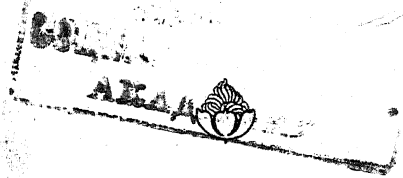
Замѣтка по поводу убійства Мезенцева въ № 1 газеты «Земля и Воля».

Мы должны помнить, что не этимъ путемъ мы добьемся освобожденія рабочихъ массъ. Съ борьбой противъ основъ существующаго порядка терроризація не имѣетъ ничего общаго. Противъ класса можетъ возстать только классъ; разрушить систему можетъ только самъ народъ. Поэтому, главная масса нашихъ силъ должна работать въ средѣ народа. Террористы —это не болѣе какъ охранительный отрядъ, назначеніе котораго — оберегать этихъ работниковъ отъ предательскихъ ударовъ враговъ. Обратить всѣ наши силы на борьбу съ правительственною властью — значило

бы оставить свою прямую, постоянную цѣль, чтобы погнаться за случайной, временной.

Такое направленіе нашей дѣятельности было бы великой ошибкой еще съ другой стороны, со стороны тактики партіи. Паденіе нашего современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это. Вопросъ только о днѣ и часѣ, когда это совершится. Самодержавіе, поражаемое со всѣхъ сторонъ, падаетъ, уступивъ мѣсто болѣе современному конституціонному строю, который, какъ всякая конституція, выдвинетъ на первый планъ привиллигированныя сословія: помѣщиковъ, купцовъ и фабрикантовъ —всѣхъ владѣтелей капитала движимаго и недвижимаго, однимъ словомъ, буржуазію въ экономическомъ смыслѣ слова. Въ настоящее время они разрознены, и потому безсильны. Конституціонная же свобода, какъ бы жалка она ни была, имъ-то во всякомъ случаѣ дастъ возможность съорганизоваться въ сильную партію, первымъ дѣломъ которой будетъ провозглашеніе крестоваго похода противъ насъ, соціалистовъ, какъ своихъ опаснѣйшихъ враговъ.

Направивъ всѣ свои силы на борьбу съ правительствомъ, мы, конечно, сильно ускоримъ его паденіе. Но тогда, не имѣя никакихъ корней въ народѣ, мы будемъ не въ состояніи воспользоваться своей побѣдой. Это будетъ побѣда Пирра, сказавшаго послѣ битвы при Гераклеѣ: «Еще одна такая побѣда — и я безъ войска поплыву въ Эпиръ». Цѣною кровавой борьбы и несомнѣнно тяжкихъ жертвъ мы ничего не пріобрѣтемъ для своего дѣла. Разбитый, но никѣмъ не преслѣдуемый врагъ будетъ имѣть все нужное ему время, чтобы укрѣпиться на новой позиціи, и намъ снова придется брать ее открытымъ нападеніемъ подъ его усиленнымъ огнемъ, преодолѣвая всѣ воздвигнутыя имъ препятствія.





ВАНДЕРВЕЛЬДЪ О МАРКСИЗМѢ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатаемый ниже рефератъ Вандервельда объ «Идеализмѣ въ марксизмѣ» появился въ бельгійскомъ «Le Peuple». Вождь бельгійской рабочей партіи выступаетъ въ этомъ рефератѣ не столько въ качествѣ критика марксизма, сколько въ качествѣ его истолкователя и комментатора. Онъ беретъ обычныя формулы марксизма и только старается наполнить ихъ возможно болѣе широкимъ содержаніемъ. Въ Вандервельдѣ чувствуется все время осторожный тактикъ и дипломатъ, не желающій прямо выступать врагомъ общепринятыхъ формулъ и предпочитающій вездѣ, гдѣ есть хоть малѣйшая возможность, сохранить старые мѣхи и только влить въ нихъ новое вино. Стелетъ онъ очень мягко, но его постилка, конечно, будетъ очень жестка для догматическаго сна многихъ и многихъ ортодоксальныхъ марксистовъ. И не даромъ всѣ старанія Вандервельда стирать острые углы противорѣчій, въ которыя его взгляды становятся порой къ догмѣ марксизма, не спасли его отъ рѣшительнаго заявленія Г. Плеханова, что только по ошибкѣ русскіе издатели его сочиненія считаютъ Вандервельда марксистомъ, и что на самомъ дѣлѣ «марксистомъ онъ никогда не былъ».

И однако, марксизмъ, — не въ смыслѣ экономической доктрины, а въ смыслѣ соціальной философіи — вступилъ уже на путь трансформаціи. Какъ водится, первыя стадіи этого пути все тѣ же, обычныя для всякой, подлежащей переработкѣ, теоріи. Прежде всего стараются спасти основную, центральную формулу доктрины, вкладывая въ нее расширенный смыслъ, обставляя ее всевозможными оговорками, оговорками къ оговоркамъ и даже оговорками къ оговоркамъ къ оговоркамъ. Идти этимъ путемъ для Вандервельда было тѣмъ легче, что начало было уже положено раньше, до него, и притомъ такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ одинъ изъ духовныхъ отцовъ марксизма—покойный Фр. Энгельсъ. Его послѣднія письма объ экономическомъ матеріализмѣ, недавно собранныя вновь въ № 14-15 «Dokumenta des Sozialismus», даютъ болѣе чѣмъ достаточно попытокъ «распространительнаго толкованія» различ-

ныхъ положеній экономическаго матеріализма такъ, же какъ и протестовъ противъ злоупотребленія матеріалистическимъ методомъ. Цитируя эти письма, Вандервельдъ, къ сожалѣнію, пропускаетъ еще одно, чрезвычайно характерное признаніе. «Марксъ и я отчасти сами виноваты въ томъ, что младшая формація приписываетъ экономической сторонѣ больше вѣса, чѣмъ ей принадлежитъ на дѣлѣ».

Первая основная «оговорка» матеріалистическаго пониманія исторіи заключается въ томъ, что первенство «экономики» въ соціальной жизни не исключаетъ обратнаго воздѣйствія права, политики, всякаго рода «идеологій» на экономику. Только «въ послѣднемъ счетѣ» мы доходимъ до признанія экономики самымъ элементарнымъ и первоначальнымъ базисомъ исторіи, той канвой, на которой многосложныя конкретныя условія времени и мѣста вышиваютъ тѣ или иные узоры. Эти «узоры», этотъ калейдоскопъ событій предполагаютъ данную экономику; наоборотъ, сама эта экономика вовсе не нуждается въ нихъ для своего существованія. Она только въ извѣстныхъ предѣлахъ модифицируется вліяніями, идущими отъ нихъ.

Мы совершенно согласны, что приведенная поправка или оговорка вполнѣ совмѣстима съ сохраненіемъ основной мысли «экономическаго матеріализма». Болѣе общая и элементарная группа явленій можетъ дать мѣсто болѣе сложнымъ и производнымъ явленіямъ, существованіе которыхъ отразится и на «первичной» группѣ; это не дѣлаетъ, однако, послѣднюю менѣе общей, менѣе элементарной, менѣе первичной. Но, твердо усвоивъ эту мысль, сторонники «экономическаго матеріализма» сами лишатъ себя многихъ аргументовъ, которыми они до сихъ поръ пользовались.

Въ самомъ дѣлѣ, потребность въ научномъ, реалистическомъ пониманіи исторіи крайне сильна въ нашъ позитивный и критическій вѣкъ. Но экономико-матеріалистическое направленіе кажется узкимъ и нелогичнымъ какъ разъ для многихъ наиболѣе рѣшительныхъ сторонниковъ научнаго, критическаго реализма.

Они прежде всего говорятъ, что «въ послѣднемъ счетѣ» отнюдь не экономика можетъ быть признана исходной точкой историческаго пониманія; напротивъ, «экономика» сама есть нѣчто, столь же «производное», какъ и право, политика, идеологія. Реалистическое пониманіе исторіи должно идти въ своемъ анализѣ гораздо дальше и захватить предметъ гораздо шире. Естественная, географическая, климатическая и почвенная среда — вотъ наиболѣе первичное объективное условіе историческаго развитія; человѣкъ, какъ біологическій и антропологическій типъ, съ его тенденціей размножаться и размножать свои потребности — вотъ наиболѣе первичное субъективное условіе историческаго развитія. Ихъ мы долж-

225007

ны взять, какъ исходныя точки; взаимодѣйствіе этихъ субъективныхъ и объективныхъ данныхъ дастъ намъ ключъ къ пониманію и экономическаго, и идейно-психологическаго, и политико-юридическаго развитія данной страны, даннаго народа; тѣмъ болѣе, что это—не различные самостоятельные процессы—правовой, экономическій и интеллектуальный—а лишь различныя стороны единаго процесса соціальнаго развитія.

Сторонники экономическаго матеріализма не игнорируютъ, конечно, вліянія естественной среды. Но—говорятъ они—климатъ, почва и т. д. суть неизмѣнныя условія соціальнаго развитія; если же они — неизмѣнныя, постоянныя условія, то какъ же ими объяснять измѣненія соціальнаго быта людей.

Въ такомъ общемъ видѣ это возраженіе, однако, не вѣрно. Оно заключаетъ въ себѣ частичку истины, но не болѣе.

Конечно, для даннаго ограниченнаго періода времени климатъ, почва etc. могутъ быть приняты за неизмѣнныя данныя. Очевидно, что непосредственныхъ причинъ происходящаго въ этотъ краткій періодъ историческаго измѣненія нужно искать не въ измѣненіи климата или почвы, а въ чемъ то другомъ. Но вѣдь «непосредственными» причинами, по собственному сознанію сторонниковъ экономическаго матеріализма, могутъ быть не только экономическія условія даннаго мѣста и времени, но и правовыя, и умственныя, и религіозныя, и политическія, и международныя, и чисто-историческія. О чемъ же идетъ рѣчь—о непосредственныхъ причинахъ или о причинахъ, дѣйствующихъ «въ конечномъ счетѣ»? И развѣ въ «конечномъ счетѣ» мы не дойдемъ всегда, между прочимъ, до естестественной среды, до природы страны? Развѣ различіе градусовъ широты и долготы не опредѣлило собою самое время возникновенія культуры въ томъ, а не другомъ мѣстѣ, развѣ очертанія береговыхъ линій, горныхъ хребтовъ и рѣкъ не опредѣлило самый характеръ международнаго общенія, развѣ количество металловъ, минераловъ и чернозема въ почвѣ не повліяло и не продолжаетъ вліять на международное раздѣленіе труда? Развѣ «естественная среда» не продолжаетъ входить все новыми и новыми своими свойствами въ поле зрѣнія и активности человѣка? Конечно, это совершается по мѣрѣ проникновенія человѣческаго ума въ тайны природы; но равная степень этого проникновенія въ тайны природы въ разныхъ мѣстахъ возмѣщается не одинаковыми результатами. Наличность огромныхъ толщъ каменнаго угля въ Англіи оказала свое историческое вліяніе лишь въ эпоху крупной промышленности; до того времени этотъ факторъ какъ бы не существовалъ, его дѣйствіе не было выведено изъ подъ спуда.

И притомъ, развѣ взглядъ историка ограниченъ короткими періодами времени? Нѣтъ, историкъ долженъ построить цѣлую философію исторіи культуры, долженъ составить общую

картину развитія всего человѣчества. Для малыхъ періодовъ времени мы могли условно, безъ сколько нибудь замѣтной ошибки принимать характеръ «естественной среды» за нѣчто неизмѣнное. Но если для каждаго отдѣльнаго періода времени мы и были вправѣ это дѣлать, то сдѣлать тоже для всей ихъ совокупности—значитъ впасть въ огромную ошибку. Для «діалектическаго матеріалиста» это тѣмъ болѣе было бы непростительно, что для него вѣдь «все течетъ, все измѣняется». Космическіе и геологическіе агенты не прекратили и не прекращаютъ своего дѣйствія. Въ болотахъ на берегахъ Миссисипи на нашихъ глазахъ совершается процессъ превращенія труповъ погибшихъ и погибающихъ лѣсовъ въ каменный уголь, бурый уголь и антрацитъ,—и когда нибудь наша промышленность получитъ могучій толчекъ отъ ихъ разработки. То же явленіе наблюдается въ залитыхъ моремъ лѣсахъ береговъ Бретани. Коралловые полипы, эти «строители будущихъ материковъ», въ наше время создаютъ материкъ между Австраліей и Новой Гвинеей. Изслѣдованія Чарльса Дарвина показали, какъ правильно и усиленно вспахивали и продолжаютъ вспахивать почву для будущей растительности вульгарные дождевики. До сихъ поръ для Скандинавіи и Уэльса продолжается періодъ поднятія надъ уровнемъ моря. Историкъ культуры не можетъ игнорировать того факта, что геологическая и космическая эволюція—не прекратившая и теперь своего хода—обусловила климатически и географически распредѣленіе человѣческихъ расъ, самыя общія черты антропологической жизни человѣчества, и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, его исторію. И неудивительно: вся судьба нашей культуры тѣсно связана съ судьбой нашей планеты, ея развитія и возможнаго—въ далекомъ будущемъ—упадка и смерти.

И, замѣтьте, тотъ фактъ, что въ настоящее время дѣятельность самого человѣка сильно воздѣйствуетъ на климатъ и почву; что, напримѣръ, вырубаніе лѣсовъ, осушеніе болотъ, обмеленіе рѣкъ, тѣсно связанныя между собою, вліяютъ на климатъ, каналы дополняютъ и усиливаютъ значеніе рѣкъ и т. д.—всѣ эти факты нисколько не умаляютъ силы сказаннаго выше. Эти факты свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что вторичныя, производныя группы явленій могутъ оказывать обратное вліяніе на первичныя, основныя: но это нисколько не уничтожаетъ первичности однихъ и производности другихъ. Такъ учатъ вѣдь сами же сторонники «экономическаго матеріализма».

«Исторія человѣчества — справедливо замѣчаетъ Зиммель — не замкнутая глава, лишь начало и конецъ которой подпадаютъ вліянію космическихъ силъ и находятся въ связи съ ними; она развивается путемъ продолжительнаго эндосмоса и экзосмоса съ ними». А это положеніе чревато послѣдствіями.

Отсюда слѣдуетъ, что соціальное, и въ частности, экономическое развитіе зависитъ не только отъ своихъ «внутренноприсущихъ, имманентныхъ законовъ»; что невѣрно, будто оно только «само изъ себя развиваетъ» тѣ элементы, которые «діалектически преобразуютъ» его содержаніе. Нѣтъ. Говоря словами того же Зиммеля, «какъ внутри индивида психическія явленія не составляютъ замкнутой причинной цѣпи, потому что извнѣ привходящія ощущенія разрываютъ ихъ непрерывную связь и вносятъ новые элементы духовной жизни, которыхъ нельзя вычислить на основаніи предъидущаго духовнаго состоянія, — такъ же нельзя и жизнь человѣчества считать самому себѣ довлѣющимъ развитіемъ, болѣе раннія стадіи котораго заключали въ себѣ всѣ зародыши, изъ которыхъ пугемъ чисто внутренней причинной связи развивается все позднѣйшее...»

* * *

Обратимся теперь къ другому первичному условію соціальнаго развитія — къ условію субъективному: самому человѣку.

Человѣкъ—вовсе не tabula rasa, на которой внѣшнія, объективныя условія и силы могутъ свободно написать все, что имъ вздумается. Человѣкъ есть самъ сложная сила природа, самъ представляетъ собою одну изъ самыхъ высшихъ и усложненныхъ комбинацій элементарныхъ силъ природы; какъ всякая сила, онъ обладаетъ опредѣленными внутренними законами своей самодѣятельности, проявляетъ опредѣленную совокупность активныхъ тенденцій. Человѣкъ есть продуктъ многовѣковой исторіи развитія; сотни вѣковъ накопили въ немъ извѣстное количество потенціальной энергіи, въ особенной формѣ, съ особенными законами проявленія, разряженія этой энергіи, т. е. реакціи на внѣшнюю среду.

Возьмемъ одну изъ самыхъ элементарныхъ тенденцій этой живой силы: тенденцію къ размноженію. Потенціальнымъ слѣдствіемъ этой силы является приростъ населенія. Приростъ же населенія имѣетъ огромное значеніе, какъ двигатель культуры. Это, можно сказать, дрожжи, приводящіе въ броженіе всякую данную форму культуры. Значеніе этого фактора съ особенной силой выдвинуто въ новѣйшее время М. М. Ковалевскимъ. Что такое сама экономика, что такое ростъ техники и формъ производства, какъ не продуктъ нарушеннаго равновѣсія между количествомъ народонаселенія и количествомъ средствъ къ его существованію? Если ростъ техники не поспѣваетъ за этимъ ростомъ населенія,—начинается броженіе, начинается эмиграціонное движеніе,—или въ розницу, какъ современныя переселенія, или оптомъ, какъ напр. знаменитое въ исторіи «великое переселеніе народовъ».

Что могутъ возразить противъ этого сторонники экономическаго матеріализма? Конечно, они могутъ сказать и говорятъ, что на число заключаемыхъ браковъ, а, слѣдовательно и на приростъ населенія, вліяютъ и урожаи, и цѣны на хлѣбъ, и пр., и пр.; что ростъ населенія самъ опредѣляется экономическими условіями; что тенденція къ размноженію парализуется такими уродливыми извращеніями полового инстинкта, какъ проституція, Zweikindersystem и т. д. Однако, они сами лишили свое возраженіе должной силы, разъ признавъ, что вторичныя, производныя явленія могутъ оказывать вліяніе—и очень сильное вліяніе — на первичное. Во всякомъ случаѣ, ростъ народонаселенія и неистребимая тенденція къ этому росту, заложенная біологическимъ развитіемъ, есть нѣчто гораздо болѣе первоначальное, чѣмъ формы общественнаго производства. Проявленія этой тенденціи, въ свою очередь, могутъ модифицироваться, даже временами парализоваться вліяніями формъ производства, распредѣленіемъ богатствъ въ странѣ и т. д.; но все это лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. И тенденція къ росту народонаселенія продолжаетъ напирать на данныя общественныя формы, встрѣчать препятствія, порождать рядъ болѣзненыхъ явленій, возбуждать броженіе и недовольство, исканія лучшаго—и это до тѣхъ поръ, пока не будутъ найдены техническія или соціальныя условія, способныя повысить емкость территоріи по отношенію къ народонаселенію.

Что вѣрно по отношенію къ наростанію ч и с л а индивидовъ, то вѣрно и по отношенію къ р о с т у п о т р е б н о с т е й въ индивидѣ. Біологическіе законы развитія установили опредѣленную іерархію, опредѣленную градацію въ наростаніи потребностей, причемъ нормальное удовлетвореніе извѣстной болѣе элементарной потребности съ непреодолимой силой влечетъ за собою возникновеніе слѣдующей, болѣе сложной. Конечно, въ дѣйствительности процессъ этотъ также не идетъ такъ прямо, правильно и нормально; онъ искажается цѣлымъ рядомъ патологическихъ явленій. Но ни одна сила, ни одна тенденція въ природѣ не дѣйствуетъ обособлено, не проявляется свободно; дѣйствіе каждой отклоняется, видоизмѣняется, часто парализуется наличностью рядомъ другихъ переплетающихся силъ, тенденцій, вліяній.

Самостоятельное значеніе тенденціи къ росту народонаселенія не можетъ отрицаться и марксистами. Половой инстинктъ, выработанный борьбой за существованіе, какъ могучее орудіе поддержанія рода, приходится поставить по крайней мѣрѣ рядомъ съ «голосомъ желудка». Отсюда и знаменитая попытка Энгельса дать распространительное толкованіе тезису о первичномъ значеніи формъ производства. Рѣчь идетъ, видите ли, вообще о «производствѣ непосредственной

жизни»; а это понятіе включаетъ въ себя и производство средствъ къ жизни, и производство самыхъ «субъектовъ» жизни: какъ производство продуктовъ, такъ и «дѣтопроизводство»... Такими чисто-каламбурными способами люди начинаютъ расширять слишкомъ узкія формулировки, первоначально данныя догмой...

Поскольку мы обращаемъ свое вниманіе на основной субъективный элементъ историческаго процесса — на самого человѣка — намъ приходится имѣть дѣло не только съ общими законами психической, умственной, эмоціональной и волевой организаціи человѣка, какъ вида homo sapiens, но и съ конкретными расами, которыя мы застанемъ уже сложившимися на самой зарѣ исторіи. И расовой моментъ, конечно, не отрицается марксистами; но способъ, какимъ онъ включается въ догму экономическаго матріализма, заслуживаетъ вниманія по своей необычайной, ослѣпительной простотѣ. «Сама раса представляетъ также экономическій факторъ»—заявляетъ Энгельсъ. И гордіевъ узелъ разрубленъ.

«Раса есть экономическій факторъ». Что раса есть факторъ, въ томъ числѣ факторъ и по отношенію къ экономическимъ явленіямъ — несомнѣнно; и въ этомъ смыслѣ, пожалуй, и мы согласны считать ее «экономическимъ факторомъ». Но чтобы раса была факторомъ, имѣющимъ экономическую природу, — этого Энгельсъ не доказалъ и не могъ доказать, ибо раздѣленіе людей на расы произошло въ такую отдаленную эпоху зоологическаго существованія человѣчества, по отношенію къ которой говорить о формахъ производства было бы грубымъ насиліемъ надъ понятіями.

Но, желая сохранить формальную вѣрность разъ выставленнымъ догматамъ, Энгельсъ поневолѣ долженъ былъ прятаться въ тѣнь неопредѣленныхъ и безконечно растяжимыхъ формулировокъ, и дошелъ до того, что далъ «экономикѣ» слѣдующее удивительное «распространительное толкованіе»: «подъ экономическими отношеніями надо, кромѣ того, разумѣть географическое положеніе мѣстности, на который они развиваются... сюда, конечно, надо причислить также среду, окружающую данную общественную форму»...

Благодаря подобнымъ «оговоркамъ» и «распространительнымъ толкованіямъ», знаменитая «экономика» и «производственныя отношенія» превращаются въ собирательное имя для всего, что угодно. «Конечное верховенство» экономическаго фактора, конечно, отъ этого становится гораздо болѣе правдоподобнымъ дѣломъ, за то отъ самого «экономическаго фактора» остается немногимъ больше, чѣмъ одно слово.

* * *

Человѣческій умъ всегда жадно искалъ и будетъ искать ру-

ководящей нити для того, чтобы разобраться въ томъ лабиринтѣ переплетающихся, перекрещивающихся вліяній, который называется исторіей. Но эта задача обставлена необычайными трудностями. Пока вопросъ идетъ о какомъ нибудь небольшомъ отрывкѣ, небольшомъ уголкѣ этого огромнаго лабиринта, дѣло представляется сравнительно простымъ. На протяженіи небольшаго періода не трудно отличить условія и обусловленное, причины и слѣдствія. Но стоитъ подняться надъ даннымъ уголкомъ событій и выплыть въ открытое море, попытаться обнять взоромъ все теченіе историческаго процесса, —и положеніе дѣлъ круто и рѣзко мѣняется. Причины и слѣдствія сливаются, мѣняются мѣстами, исчезаютъ въ безконечной причинной цѣпи, въ сложномъ сплетеніи отдѣльныхъ причинныхъ нитей. Какъ разобраться въ этомъ калейдескопѣ фактовъ, гдѣ найти твердыя исходныя точки, опорные пункты для обозрѣнія механизма историческаго процесса?

Ясно, что такими исходными точками, къ которымъ при объясненіи историческаго процесса мы приходимъ «въ послѣднемъ счетѣ»,—не могутъ быть элементы, создающіеся въ самомъ этомъ историческомъ процессѣ. Экономика, право, идеологіи суть дѣтища, порожденія исторіи; они должны быть объяснены изъ ея хода, а не ея ходъ—объясненъ изъ нихъ. Объясняющихъ—«въ послѣднемъ счетѣ»—принциповъ для историческаго процесса можно искать лишь въ такихъ элементахъ, которые даны до самого этого процесса. Потому то естественная среда, какъ факторъ объективный, и человѣкъ, какъ опредѣленный біологическій типъ, выработавшійся въ процессѣ доисторической борьбы за существованіе—вотъ естественныя исходныя точки соціолога и историка. Взаимодѣйствіе между условіями естественной среды и количественнымъ и качественнымъ ростомъ человѣчества—вотъ къ чему «въ послѣднемъ счетѣ» сводится соціальное развитіе.

Въ лабораторіи этого развитія, на почвѣ этого взаимодѣйствія, творится «искусственная среда» или культура; складываются различные культурные типы, въ зависимости, съ одной стороны, отъ конкретныхъ различій естественной среды, съ другой —отъ различій въ антропологическомъ типѣ, въ расовыхъ особенностяхъ даннаго народа или племени. Экономика, право, государственный строй, религія и вообще идеологіи—равно производны. Болѣе того. Экономику, право и психологію общества нельзя противопоставлять другъ другу, нельзя въ одномъ видѣть «причину» другого. Нельзя, потому что для этого нужно было бы ихъ другъ отъ друга оторвать, нужно было бы ихъ предварительно разъединить. Но это то и невозможно. Экономическое развитіе не есть особый процессъ, совершающійся рядомъ съ юридическимъ или интеллектуальнымъ. Напротивъ, это суть лишь различныя стороны од-

ного процесса, ихъ можно разъединить лишь въ абстракціи, лишь условно. На дѣлѣ всякое экономическое отношеніе включаетъ въ себя и правовое, и психологическое отношеніе. Иначе говоря, «экономическое отношеніе» мы имѣемъ постольку, поскольку разсматриваемъ, въ данный моментъ, ради опредѣленной цѣли, опредѣленное соціальное отношеніе исключительно съ его матеріальной, экономической стороны. Это—не различіе процессовъ, а различіе точекъ зрѣнія, съ которыхъ разсматривается одинъ тотъ же процессъ. Смотримъ мы на общество съ объективно-матеріальной точки зрѣнія — мы имѣемъ общественное хозяйство, технику, производство и циркуляцію матеріальныхъ благъ; смотримъ съ формальной точки зрѣнія—имѣемъ тотъ правовой строй, тѣ юридическія нормы, которыми регулируются, въ рамкахъ которыхъ протекаетъ вся эта реальная жизнь общества; смотримъ съ точки зрѣнія субъективной—мы имѣемъ психологическую и идейную подоплеку событій, общественную нравственность, обычаи, вѣрованія, попытки сознательнаго истолкованія явленій въ такъ называемыхъ «идеологіяхъ». Это, такъ сказать, три измѣренія соціальнаго развитія,—не болѣе. Такимъ образомъ, реалистическое пониманіе исторіи гораздо болѣе монистично, чѣмъ экономико-матеріалистическое. Послѣднее должно разорвать экономику и право, экономику и идеологію, чтобы затѣмъ вывести одну изъ другой. Благодаря догматическому характеру своего метода, экономическій матеріалистъ не замѣчаетъ коренной ошибки, кроющейся въ этомъ первомъ же шагѣ. Теоретико-познавательная критика разоблачаетъ эту ошибку, вскрываетъ отвлеченный характеръ различенія отдѣльныхъ сторонъ соціальной жизни и не позволяетъ превращать эти стороны въ самостоятельные факторы или сущности, въ независимые процессы, которые можно было бы ставить другъ другу въ отношенія причины къ слѣдствію. Нѣтъ, это лишь отдѣльныя стороны, находящіяся во взаимномъ соотвѣтствіи, такъ какъ они принадлежатъ одному и тому же процессу, столь же цѣлостному, какъ цѣлостны и живые атомы этого процесса—человѣческіе индивиды.

Но нельзя ли спросить, что «первичнѣе»: экономика, право или идеологія? Что чему предшествуетъ? Ни то, ни другое, ни третье. Всѣмъ тремъ—или, лучше сказать, эпохѣ, когда мы наблюдаемъ дифференцировавшіяся другъ отъ друга право, экономику и политику—предшествуетъ эпоха, когда и то, и другое, и третье представляютъ собою нѣкоторое слитное, недифференцированное единство. Это единство проявляется, напримѣръ, въ «обычномъ правѣ». Обычное право—это одновременно и реальное, традиціонно унаслѣдованное поведеніе людей, ихъ объективный «бытъ»; это, въ тоже время, ихъ «обычай», ихъ нравъ, ихъ привычка, ихъ правосознаніе; это,

наконецъ, въ то же самое время ихъ неписанная юридическая норма. Лишь позднѣе то, другое и третье выступятъ отчетливѣе, дифференцируются. Но дифференцировка не есть разрывъ и раздробленіе, а есть лишь усложненіе единаго цѣлаго.

* * *

Итакъ, реалистическое пониманіе исторіи по методу своему является критическимъ, а по содержанію—глубоко монистическимъ. Но его монизмъ не есть монизмъ односторонній, однобокій. Это—монизмъ синтетическій и всесторонній.

Онъ далекъ отъ всякой матеріалистической метафизики, въ томъ числѣ и отъ экономическаго матеріализма. Въ этомъ послѣднемъ онъ видитъ лишь ту хорошую сторону, что онъ выдвинулъ на передній планъ изслѣдованіе матеріально-экономической стороны соціальной жизни. Все, что имъ сдѣлано въ смыслѣ такого изслѣдованія, есть цѣнный вкладъ въ науку —хотя этимъ и не исчерпывается наука общественной жизни. Наоборотъ, увлеченіе изслѣдованіями этого рода за счетъ другихъ сторонъ общественной жизни и въ ущербъ имъ представляетъ собою явленіе отрицательное, съ которымъ нужно бороться.

Экономическій маріализмъ былъ склоненъ страшно упрощать объясненіе идейныхъ явленій въ исторіи. Самыя идеи онъ разсматривалъ, не какъ существенный элементъ событій, а лишь какъ ихъ побочный симптомъ. Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ прямую противоположность своему теоретическому предшественнику—утопизму. Для послѣдняго идеи были чѣмъ то самодовлѣющимъ и всемогущимъ. Для современнаго научнаго реализма идеи не есть лишь слабыя и блѣдныя тѣни событій, но не есть и сокровенная, самодовлѣющая первопричина ихъ. Идеи суть лишь психологическое выраженіе накопленной въ мозгу человѣчества потенціальной энергіи, въ особой, чрезвычайно концентрированной формѣ. Идеи суть нераздѣльная, неразрывная, и притомъ существенная часть дѣйствительности. Это—равноправныя звенья въ общей причинной цѣпи, у нихъ есть причины, есть и дѣйствія въ общемъ ходѣ событій. И здѣсь реалистическое пониманіе исторіи будетъ болѣе монистично, чѣмъ матеріалистическое. Послѣднее отрозпивало идеи отъ хода вещей, разсматривало первыя, лишь какъ отблескъ, какъ слабое отраженіе второго. Этотъ дуализмъ естественнаго хода, взятаго самого по себѣ, и его отраженнаго двойника въ «идеологіяхъ» глубоко ошибоченъ. Именно благодаря этому «идеи» были посажены на запятки колесницы общественнаго прогресса. Но пока думали, что эта колесница сама по себѣ необычайно быстро прискачетъ къ стихійному Zusammenbruch'у, бѣда бы-

ла не столь большой руки. Но какъ только оказалось, что стихійный ходъ вещей гораздо ближе, чѣмъ думали, напоминаетъ черепаху, то положеніе идей на запяткахъ «естественнаго процесса» стало приводить людей естественнымъ путемъ къ тактикѣ утрированной умѣренности и аккуратности.

«Рабочій классъ не имѣетъ осуществить никакихъ идеаловъ — говорилъ Марксъ — а лишь освободить развившіеся въ нѣдрахъ рушащагося буржуазнаго общества элементы новаго общества». Это пренебреженіе къ идеаламъ; эта «матеріалистически» съуженная формулировка задачъ рабочаго класса; все это — понятная, хотя и крайняя реакція противъ утопизма. Она могла соединяться съ крайней революціонностью, если мы вспомнимъ, что Марксъ въ концѣ 40-хъ годовъ вѣрилъ въ такую близость революціи, что отводилъ на будущей всемірной выставкѣ капиталистамъ только скромную роль чичероне, приставленныхъ къ бывшимъ «собственнымъ» ихъ товарамъ, чтобы показывать ихъ любопытнымъ посѣтителямъ выставки и давать имъ необходимыя разъясненія. Но прошли времена — жизнеспособность буржуазнаго общества оказалась гораздо болѣе упорной — и приведенное выше положеніе Маркса послужила основой для тезиса Бернштейна: «Конечная цѣль есть ничто, движеніе есть все». Но какой же филистерскій характеръ получило это положеніе, примѣненное къ такъ сильно измѣнившимся условіямъ! «Quantum mutatus ab illo!»

Идеалъ, идеализмъ для Маркса и Энгельса одно время совершенно отождествлялись съ утопіей, утопизмомъ. Явное, подчеркнутое иронически-презрительное отношеніе къ идеалистическому элементу въ міросозерцаніи — и при этомъ въ скрытомъ видѣ самый широкій и смѣлый идеализмъ, проникающій всю систему—таково было основное противорѣчіе.

Дѣло въ томъ, что отрицаніе идеализма было у Маркса чистоголовнымъ, отвлеченно-философскимъ, верхней теоретической надстройкой, а не сердцевиной системы. Это была чисто философская реакція противъ моральнаго догматизма. Это было повтореніе — только въ спеціальной, этической области — того самаго процесса, который происходилъ и въ общефилософской области. Ранѣе въ философіи царила телеологическая и метафизическая догматика. Философскій критицизмъ расшаталъ эту догматику, вскрылъ относительность нашихъ познаній, ихъ условный характеръ, ихъ корни въ человѣческой чувственности. Но изъ реакціи къ старой догматикѣ критицизмъ первоначально перегнулъ было палку въ противоположную сторону. Онъ привелъ къ полному скептицизму въ области познанія, онъ породилъ агностицизмъ, т. е. полное невѣріе въ объективную цѣнность нашихъ познаній. Марксъ и Энгельсъ совершенно точно также пришли къ моральному скептицизму, хотя въ области общефило-

софской успѣли перешагнуть черезъ эту скептическую стадію.

Что такое нравственность? Развѣ нравственность дикаря и европейца, человѣка античнаго міра и среднихъ вѣковъ одинакова? Развѣ честь и совѣсть воина, купца, дворянина, крестьянина, фабриканта и пролетарія не различны такъ же, какъ различно ихъ соціальное положеніе? Развѣ можетъ быть рѣчь о какой-то общечеловѣческой нравственности?—Такова аргументація скептика или агностика въ области этики. Сходство съ философскимъ скептицизмомъ разительное. Наши знанія—миражъ, фантомъ, обманчивая игра нашего духа—говоритъ агностикъ въ области философіи. Этическія понятія—миражи, простые рефлексы особеннаго соціальнаго положенія въ особенную историческую эпоху; глупцы обманываютъ этими миражами самихъ себя, а хитрецы — обманываютъ ими другихъ — говоритъ скептикъ въ области этики. Отсюда недалеко и до тѣхъ «парадоксовъ» Лафарга, о которыхъ вспоминаетъ Вандервельдъ, говоря: «Нашъ другъ Поль Лафаргъ, который больше всего любитъ пугать боязливыхъ крайностью своихъ парадоксовъ, неоднократно заявляетъ имъ, что справедливость, свобода, братство, прогрессъ — это лишь идолы, сфабрикованныя буржуазіей для того, чтобы замѣстить христіанскаго бога и удержать народъ въ рабствѣ».

Аргументація эта, однако, не выдерживаетъ критики. Конечно, понятія о нравственности измѣнчивы. Но развѣ не измѣнчивы и наши научныя понятія? Развѣ не ничтожная доля человѣчества усвоила себѣ то научное міросозерцаніе, которое мы считаемъ установленнымъ на незыблемыхъ основахъ? Для дикаря, неспособнаго считать далѣе пяти, интегральное счисленіе будетъ еще болѣе нелѣпой тарабарщиной, чѣмъ наши этическія понятія для того бушмена, который говорилъ: зло — это когда у меня уведутъ мою жену; добро — это когда я уведу чужую жену. Нравственныя идеи въ высокой степени запечатлѣны субъективизмомъ; но развѣ наиболѣе сложныя изъ теоретическихъ наукъ, соціологія и исторія, не запечатлѣны имъ въ такой же степени? Можно ли на этомъ основаніи отрицать общечеловѣческую логику, общечеловѣческую науку? Высшія научныя понятія, какъ и высшіе этическіе постулаты, предполагаютъ, что человѣкъ доразвился до извѣстной высоты, предполагаютъ извѣстную подготовку въ родѣ и въ индивидѣ, и только для людей съ такой подготовкой, съ такимъ высшимъ психическимъ типомъ имѣютъ свою силу. Судьбы общечеловѣческой моральной логики такъ же мало безнадежны, какъ и судьбы общечеловѣческой соціальной науки. Въ той и другой области наши понятія не абсолютны; но это не только не мѣшаетъ ихъ вѣчному, не обманчивому, а реальному прогрессу, но наоборотъ — дѣлаетъ такой вѣчный прогрессъ возможнымъ.

Идеала нельзя замѣнить простымъ предвидѣніемъ. Предвидѣніе можетъ указать намъ лишь конечный результатъ извѣстнаго процесса развитія; но конечный результатъ не есть конечная цѣль. Возьмемъ самый грубый и наглядный примѣръ. Мы знаемъ, что ничто не вѣчно подъ солнцемъ; не вѣчна и наша планета. Теперь жизнь на ней въ процессѣ разцвѣта; когда нибудь начнется нейтральный періодъ равновѣсія, чтобы смѣниться періодомъ упадка. Но какъ бы несомнѣнно ни было это предвидѣніе конечнаго упадка, сдѣлать его своей конечной цѣлью мы не можемъ. Идеалъ есть построеніе, которое соединяетъ въ себѣ элементы предвидѣнія и оцѣнки. Какъ научное предвидѣніе выростаетъ изъ анализа и синтеза данныхъ воспріятій, такъ научная оцѣнка выростаетъ изъ анализа и синтеза данныхъ эмоціональной стороны человѣческаго духа. Этика, въ смыслѣ раціональнаго построенія идеала и диктуемой имъ системы поведенія, есть необходимая составная часть міросозерцанія человѣка и революціонера. И только соціализмъ, поднимающійся надъ классовыми особенностями, ставящій себѣ цѣлью ихъ уничтожить, освободить человѣчество отъ этихъ антиобщественныхъ перегородокъ, несетъ съ собой дѣйствительно общечеловѣческую этику.

Что классовое положеніе сказывается на этическихъ понятіяхъ — это болѣе, чѣмъ вѣрно. Но неправиленъ былъ бы отсюда выводъ, что невозможна нравственность, претендующая на общечеловѣческое значеніе. Это слишкомъ ясно. Противоположное утвержденіе привело бы насъ къ тому нелѣпому выводу, что соціализмъ, уничтоживъ классы, уничтожилъ бы и честь, совѣсть, нравственность. Эпоха уничтоженія классовъ будетъ только эпохой наивысшаго расцвѣта и распространенія общечеловѣческой нравственности. Но носители идеи соціализма и въ предѣлахъ современнаго общества могутъ и должны быть провозвѣстниками высшихъ, общечеловѣческихъ началъ морали.

Сознательная, критически мыслящая личность не воспринимаетъ просто морали своего класса потому, что случайность рожденія приковала ее къ послѣднему. Она сводитъ интересы различныхъ классовъ на судъ нѣкоторой высшей инстанціи. Повинуясь рѣшенію этого верховнаго идейнаго судилища, она поднимается надъ моралью своего класса, порываетъ съ нимъ и его интересами и примыкаетъ къ другому классу, въ которомъ видитъ носителя высшихъ началъ общественности. Конечно, не безъ причинъ той, а не другой личности удается совмѣстить благопріятныя внѣшнія и внутреннія условія для того, чтобы подняться на такую идейную высоту. Но это — другой вопросъ. Все причинно обусловлено, все закономѣрно въ этомъ мірѣ. Герои и злодѣи, высокіе моральные характеры и пошляки, страстные искатели правды и

рабы житейскаго обычая — всѣ, въ послѣднемъ счетѣ, равны передъ высшей инстанціей причинности; но это не мѣшаетъ имъ быть противоположностью во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, и топить эту противоположность въ холодномъ безразличіи «естественнаго хода вещей» ничего не имѣетъ общаго съ наукой и научной философіей.

Если бы мы вздумали изгнать субъективно-идеалистическій элементъ изъ своего міросозерцанія, то у насъ осталось бы одно средство спасти свою активную революціонность: именно, утвердить ее не на идеалѣ, а на внѣшней необходимости «стихійнаго хода вещей», т. е. внести въ свое міросозерцаніе сильную дозу фаталистическаго оптимизма. И мы знаемъ, что изрядная доза такого фаталистическаго оптимизма дѣйствительно была внесена Марксомъ и Энгельсомъ въ свое міросозерцаніе. Это для нихъ было тѣмъ легче, что, недовѣрчиво относясь къ философскому критицизму, они не восприняли въ свое міросозерцаніе его анализа понятій причинности и закономѣрности.

Въ обычномъ пониманіи причинности кроется нѣкоторое привнесеніе антропоморфическаго элемента. Причина есть нѣчто активное, дѣйственное, вліяющее, оказывающее принудительное давленіе на слѣдствіе; слѣдствіе есть нѣчто пассивное, страдательное, зависимое. Современная философія обнаружила всю несостоятельность этого представленія. Она знаетъ лишь совокупность условій и обусловленное, причемъ обусловленное и есть ничто иное, какъ итогъ, какъ совокупность, какъ опредѣленная комбинація, въ которую сложились условія. На мѣсто дуализма активной причины и пассивнаго слѣдствія поставленъ монизмъ: комбинація условій, которая совершенно равна обусловленному. Обычное понятіе о «законѣ» природы разумѣетъ подъ нимъ что то внѣшнее для фактовъ, парящее надъ ними и сверху ихъ опредѣляющее. Современная философія устранила этотъ дуализмъ, усмотрѣвъ въ «законахъ» лишь абстрактныя понятія для выраженія общихъ свойствъ явленій и единообразнаго проявленія этихъ свойствъ при единообразныхъ условіяхъ. Дуализмъ «закона» и «подчиненной законамъ дѣйствительности» смѣнился и здѣсь монизмомъ процессовъ измѣненій и общихъ свойствъ этихъ самыхъ процессовъ, лишь схваченныхъ въ мысли и формулированныхъ въ общемъ понятіи, которому и дано имя «закона».

Стоитъ лишь не отдавать себѣ отчета въ истинной сущности понятій причинности и закономѣрности—и вотъ, помимо вашей воли, причинное разсматриваніе человѣческихъ дѣйствій приметъ характеръ низведенія человѣка до степени пассивной игрушки внѣшнихъ и чуждыхъ ему силъ, а приложеніе понятія закономѣрности къ исторіи создастъ противопоставленіе «силы законовъ развитія» личнымъ и коллективнымъ

стремленіямъ измѣнять и направлять въ опредѣленныхъ цѣляхъ дѣйствіе этихъ законовъ. Отсюда — фаталистическая шелуха, только затрудняющая пользованіе здоровымъ, активно-революціоннымъ зерномъ міросозерцанія.

* * *

Не хуже ортодоксальныхъ сторонниковъ и дипломатическихъ союзниковъ экономическаго матеріализма мы знаемъ, что въ разное время идеалистическая сердцевина міросозерцанія Маркса и Энгельса не разъ прорывалась сквозь матеріалистическую оболочку. Такъ, Марксъ говорилъ, напримѣръ, что «задача философіи и исторіи теперь, когда исчезла правда внѣ-міровая—установить правду въ мірѣ»; такъ, онъ говорилъ о будущемъ «царствѣ свободы» въ которомъ борьба съ природой, производство матеріальныхъ благъ будетъ совершаться людьми «при условіяхъ, наиболѣе достойныхъ ихъ человѣческой природы и наиболѣе ей соотвѣтствующихъ»; говорилъ, что только такой экономическій строй можетъ послужить базисомъ, на которомъ будетъ совершаться «развитіе человѣческихъ силъ, служащее само себѣ цѣлью — истинное царство свободы» и т. д. и т. д.

Но во первыхъ, нѣкоторые изъ этихъ идеалистическихъ мотивовъ навѣяны философскими вліяніями, отъ которыхъ Марксъ и Энгельсъ впослѣдствіи эманципировались. Такимъ образомъ, они не характерны для того Маркса и того Энгельса, которыхъ всѣ знаютъ. Во вторыхъ, другіе изъ этихъ идеалистическихъ мотивовъ совершенно не объединены философски съ другими частями марксизма, изолированы, лежатъ гдѣ то въ сторонѣ объ общей логикѣ марксизма и потому лишены всей своей силы.

И вотъ почему мы глубоко убѣждены, что эти идеалистическіе элементы марксизма могутъ развиться, развернуться во весь свой ростъ, сдѣлаться не случайными проблесками, а логической составной частью міросозерцанія только при одномъ условіи: при рѣшительномъ, радикальномъ устраненіи изъ системы совершенно нефилософскаго этическаго скептицизма, всѣхъ пережитковъ фаталистической терминологіи, всякой метафизической и узко-матеріалистической догматики. Только этой цѣной мы и можемъ получить цѣлостное соціалистическое міросозерцаніе, стоящее на уровнѣ современнаго научнаго и философскаго развитія. Мы психологически понимаемъ сторонниковъ философіи марксизма, которымъ трудно разставаться съ тѣмъ, съ чѣмъ они сжились. Они предпочтутъ путь пристроекъ и надстроекъ, ограничительныхъ и распространительныхъ толкованій. Мы понимаемъ и тѣхъ осторожныхъ дипломатовъ критическаго пересмотра, которые, какъ Вандервельдъ, предпочитаютъ медленно подвигаться впередъ

по линіи наименьшаго сопротивленія. Но понимать не значитъ одобрять. Какъ бы то ни было, и тѣ, и другіе, одни сознательно, другіе безсознательно, вводятъ въ свое міросозерцаніе элементы безсильнаго, дрябляго компромисса. Но если въ практической дѣятельности выгодный компромиссъ можетъ быть продуктивнымъ, то компромиссъ въ области теоріи, въ области мысли, въ области идей — глубоко антипатиченъ и безсиленъ. Онъ ведетъ къ плоскому, поверхностному эклектизму. Намъ же нуженъ не эклектизмъ, а цѣлостное, синтетическое міросозерцаніе. Соціализмъ долженъ быть могучей идейно-философской силой, объединяющій здоровый реализмъ изслѣдованія существующаго съ могучимъ идеализмомъ его оцѣнки и дѣйственнаго преобразованія. Онъ долженъ быть истинно революціоннымъ міросозерцаніемъ, одновременно и философіей дѣйствительности и философіей дѣйствія.

Ю. Гарденинъ.

ИДЕАЛИЗМЪ ВЪ МАРКСИЗМѢ.

Говорятъ, что Марксъ, находясь однажды въ обществѣ французскихъ соціалистовъ, на вопросъ одного изъ нихъ: «къ какой партіи вы принадлежали бы, если бы жили во Франціи?» отвѣтилъ: «не знаю, но во всякомъ случаѣ я не былъ бы марксистомъ».

Мы передаемъ это какъ анекдотъ,*) но вѣренъ ли онъ или выдуманъ, онъ характеренъ для того преобразованія или вѣрнѣе искаженія, которому подвергся марксизмъ, переходя границы и выдерживая всевозможные переводы, конспективныя литературныя или ораторскія приспособленія.

Марксъ и Дарвинъ.

Съ Марксомъ случилось то же, что съ Дарвиномъ и вообще со всѣми крупными новаторами: изъ цѣлаго міра глубокихъ замѣчаній, осторожныхъ и вмѣстѣ смѣлыхъ дедукцій, вульга-

*) Вандервельду, повидимому, неизвѣстно, что аутентичность этихъ словъ Маркса не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ матеріалахъ для исторіи русскаго революціоннаго движенія были опубликованы, въ передачѣ Г. Лопатина, его разговоры съ Марксомъ и Энгельсомъ, причемъ упоминается и о знаменитой поговоркѣ Маркса, что онъ — «не марксистъ». Точность передачи Лопатинымъ отзывовъ Маркса и Энгельса, несомнѣнна, за нее, впрочемъ, ручается и то обстоятельство, что письмо его было опубликовано съ разрѣшенія Фр. Энгельса.

Ред.

ризаторы, а за ними и публика, запомнили только куски фразъ и обрывки идей.

Дарвинъ почти полвѣка занимается своими изслѣдованіями. Онъ пишетъ ***происхожденіе видовъ***. Онъ публикуетъ ***происхожденіе человѣка***. Онъ революціонизируетъ естественныя науки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все наше міропониманіе; но для огромнаго большинства его ученіе сводится къ двумъ положеніямъ: 1) человѣкъ происходитъ отъ обезьяны—тогда какъ на самомъ дѣлѣ по дарвиновской гипотезѣ оба они имѣютъ общаго предка и 2) ***борьба за существованіе*** — это факторъ прогресса, что узаконяетъ подавленіе слабыхъ сильными, тогда какъ Дарвинъ много разъ настаиваетъ на преимуществахъ ассоціацій въ борьбѣ за существованіе.

Карлъ Марксъ выразилъ соціалистическую мысль съ такою силою, что на нѣкоторое время заслонилъ собою самыхъ знаменитыхъ своихъ предшественниковъ. Онъ создалъ новую политику. Онъ преобразовалъ методы исторіи. Онъ далъ уничтожающую критику капиталистическаго режима. Что осталось отъ всего этого для большинства составителей брошюръ и журналистовъ? Нѣсколько формулъ, вродѣ: трудъ есть источникъ всякой цѣнности; борьба классовъ образуетъ основу исторіи или «способъ производства матеріальной жизни опредѣляетъ, въ общемъ, общественный, политическій или умственный процессъ жизни».

Обратите вниманіе на то, что эти цитаты не искажены; но ихъ выдѣляютъ изъ всего контекста; имъ придаютъ абсолютное значеніе; не обращаютъ вниманія на дополненія и поправки, которыя внесены въ дальнѣйшемъ и такимъ образомъ приходятъ къ тому, что путемъ цѣлаго ряда съуженій и ухудшеній сохраняется только схема, скелетъ ученія, который совсѣмъ не похожъ на истинную доктрину Маркса.

Ложныя пониманія марксизма.

Для многихъ людей, напр. матеріалистическое пониманіе исторіи—этотъ краеугольный камень марксизма—лишаетъ идеалъ всякой дѣйственной силы. Мораль, право, религія или философія, это побочныя явленія, отраженіе безъ тепла и безъ силы, продукты или даже продукты продуктовъ экономической дѣятельности. Что касается соціализма, то онъ ничто иное, какъ процессъ экспропріаціи капиталистовъ. Онъ долженъ держаться вдали отъ всякой задачи, которая не затрагиваетъ прямо или косвенно производства и распредѣленія богатства. Тѣ, которые стремятся заинтересовать его другими вопросами, какъ напр. прогрессомъ нравственности, борьбой противъ церкви, формами правительственнаго строя, являются усыпителями, искателями, отвлекающими его отъ главной задачи. Какое намъ дѣло до Дрейфуса или Мерсье, до министерства или конгрегацій, до республики или монархіи: бу-

демъ подготовлять соціальную революцію, остальное придетъ само собою... Понятно, что въ такомъ видѣ историческій матеріализмъ плохо воспринимается тѣми, которые приходятъ къ соціализму или пытаются придти къ нему по мотивамъ чувства. Нашъ другъ Поль Лафаргъ, который больше всего любитъ пугать боязливыхъ людей крайностью своихъ парадоксовъ, постояно заявляетъ имъ, что справедливость, свобода, братство, прогрессъ — это не болѣе, какъ только идолы, сфабрикованные буржуазіей для того, чтобы замѣнить ими христіанскаго бога и удерживать съ ихъ помощью народъ въ рабствѣ*); однако, они продолжаютъ упрямо думать, что идеи — это силы, что справедливость не пустое слово, что право, политика и религія быть можетъ объясняются въ послѣднемъ счетѣ «лежащими подъ ними экономическими факторами», но тѣмъ не менѣе оказываютъ значительное вліяніе на эволюцію общества. И дѣйствительно, если бы марксизмъ отрицалъ это вліяніе, если бы онъ пытался, какъ это часто утверждаютъ, свести соціальный вопросъ на вопросъ желудка, ограничить соціализмъ рамками матеріальныхъ интересовъ, — тѣмъ хуже было бы для марксизма: никогда соціалистическое сознаніе не рѣшится на подобное уничтоженіе своего идеала, никогда оно не согласится отдать всю область духовной дѣятельности старинному религіямъ и старинной философіи. Но, спѣшимъ это сказать, тѣ, которые понимаютъ такимъ образомъ ученіе Маркса, показываютъ этимъ лишь то, что они плохо его поняли. По этому случаю приходится вспомнить слова Лобардемона: дайте мнѣ всего 1 строчку, написанную кѣмъ нибудь, и я найду возможность подвести его подъ висѣлицу. Въ такомъ сложномъ трудѣ, какъ Маркса или Ренана, всегда можно вырвать нѣсколько фразъ, изъ которыхъ можно вычитать почти все, что угодно. Но надо изучить все произведеніе въ его происхожденіи и развитіи, чтобы понять истинную мысль автора.

Если приложить этотъ методъ къ интеллектуальному творенію Маркса, легко станетъ объяснить лишь кажущуюся сухость его матеріализма, его систематическія старанія никогда не прибѣгать къ аргументаціи отъ чувства въ трудѣ, въ которомъ отъ начала до конца все является рѣзкимъ и жгучимъ призывомъ къ справедливости. Его манера писать являлась лишь вполнѣ естественной реакціей тѣмъ привычкамъ мысли и слова, которыя господствовали въ то время.

Происхожденіе и развитіе марксизма.

Вспомните, на самомъ дѣлѣ, годы, которые предшествовали революціи 48 года. Повсюду господствовалъ сентиментализмъ. Утопическій соціализмъ стоялъ рядомъ съ буржуазной идеа-

*) См. напр. ст Лафарга «Идеализмъ и матеріализмъ».

логіей. Соціальная философія, по выраженію Коммунистическаго Манифеста, скрывала пустоту своихъ идей «подъ одеждой, сотканной на легкой основѣ умозрѣнія, вышитой цвѣтами реторики и остроумія, смоченной, какъ росою, лихорадочной и нѣжной сентиментальностью».

Въ Германіи гегеліанская правая погрузилась въ полный мистицизмъ. Во Франціи и въ Англіи почти всѣ ученики Фурье, Сенъ-Симона и Овена изощрялись въ химерическихъ призывахъ къ доброй волѣ буржуазіи, не желая опереться на рабочія массы. Однимъ словомъ, большинство соціалистовъ, какъ и большинство ихъ противниковъ были согласны въ исповѣданіи какого-то соціологическаго спиритуализма: идеи вращались по ихъ мнѣнію въ высшей сферѣ, вдали отъ «низменнаго» вліянія матеріальныхъ интересовъ, въ безусловной, казалось, независимости отъ объективныхъ условій общественнаго существованія.

Въ этотъ то моментъ явился Марксъ, имѣя уже многочисленную группу предшественниковъ.

Отвѣчая Прудону, издавшему «Философію Нищеты», онъ написалъ «Нищету философіи». Точно опредѣляя понятіе, зерно котораго находится во многихъ его предшествующихъ трудахъ, онъ выставляетъ знаменитое положеніе, которое все вновь и вновь появляется у него, какъ Leitmotiv, какъ основная тема: положеніе, что экономическія нужды господствуютъ надъ всей духовной жизнью человѣчества:

«Общественныя отношенія тѣсно связаны съ производительными силами. Пріобрѣтая новыя производительныя силы, люди мѣняютъ способы производства, а измѣнивъ способы производства, способы пріобрѣтенія средствъ къ существованію, они измѣняютъ всѣ свои общественныя отношенія. Ручная мельница дастъ вамъ феодальное общество, паровая мельница —общество капиталистическаго производства.

«Тѣ же люди, которые устраиваютъ свои общественныя отношенія, согласно съ производительными отношеніями, вырабатываютъ также свои принципы, идеи и категоріи согласно своимъ общественнымъ отношеніямъ».

«Такимъ образомъ эти идеи и категоріи также мало вѣчны, какъ и отношенія ими выражаемыя. Онѣ лишь исторически преходящіе продукты»*).

Такова въ сжатой, но тѣмъ болѣе существенной формѣ господствующая идея марксизма.

Надо ли подчеркивать революціонное значеніе этой точки зрѣнія?

Въ порядкѣ общественныхъ явленій, это—движеніе вмѣсто неподвижности, это—реализмъ, замѣщающій идеологію. По

*) Марксъ, «Нищета философіи».

выраженію самаго Маркса, діалектика Гегеля, которая ходила на головѣ, поставлена на ноги. Исторія перестаетъ быть бедлетристикой или метафизикой. Капитализмъ является не окончательнымъ режимомъ, но историческимъ продуктомъ, который чреватъ уже новымъ режимомъ. Соціализмъ уходитъ изъ рукъ изобрѣтателей системъ и рѣшительно вступаетъ въ научную фазу. Конечно, соціалисты менѣе, чѣмъ кто либо другой, должны приписывать одному человѣку заслугу этой спасительной революціи; это значило бы отдать въ частную собственность продуктъ коллективнаго труда.

Оставимъ сенъ-симонистамъ, если они еще существуютъ, религію новаго Мессіи. Мы знаемъ, что матеріалистическое пониманіе исторіи не болѣе исключительно принадлежитъ Марксу, чѣмъ трансформизмъ Дарвину или «Опытъ о богатствѣ народовъ» Адаму Смиту. И мы знаемъ также — это исторія Колумбова яйца—что многія марксистскія идеи кажутся столь очевидными, что за авторами ихъ не признается никакой оригинальности.

Весь свѣтъ теперь практикуетъ историческій матеріализмъ,*) какъ г. Журденъ говоритъ прозой.

Когда открываются залежи каменнаго угля въ Сѣверной Бельгіи, льежскій епископъ заключаетъ, что въ этой мѣстности появится соціализмъ.

Когда англичане ведутъ войну съ Трансваалемъ, чтобы поддержать права уитлендеровъ, никто не сомнѣвается, что истинныя мотивы ихъ въ коммерческихъ интересахъ, въ частныхъ выгодахъ собственниковъ золотыхъ пріисковъ.

Даже тѣ, которые ожесточенно оспариваютъ теорію Маркса, признаютъ необходимость экономическаго объясненія исторіи.

Историческій матеріализмъ—пишетъ профессоръ Массарикъ —или, лучше сказать, болѣе точная оцѣнка значенія экономическихъ факторовъ и сведеніе къ ихъ истинной цѣнности идеологическихъ вліяній на жизнь и развитіе общества, составляетъ отнынѣ часть непререкаемыхъ пріобрѣтеній соціологіи, исторіи и политики.

Но, если противники Маркса, въ общемъ, и принимаютъ главную часть его тезиса, тѣмъ съ большимъ неудовольствіемъ

---

*) Намъ кажется, что, желая приписать экономическому матеріализму большее значеніе, Вандервельдъ только принижаетъ его. Вскрывать экономическую сторону историческаго процесса еще не значитъ быть экономическимъ матеріалистомъ. Скуденъ же содержаніемъ былъ бы экономическій матеріализмъ, если бы онъ умѣщался въ элементарную формулу: «не забывайте никогда объ экономической сторонѣ исторіи». Существенныя положенія, составляющія оригинальную собственность экономическаго матеріализма, гораздо сложнѣе, — изъ чего однако еще не слѣдуетъ, чтобы они были столь же или даже еще болѣе вѣрны. Ред.

они говорятъ о марксистской исключительности, упрекая историческій матеріализмъ въ двухъ вещахъ: во 1) онъ не признаетъ значенія за естественными факторами, опредѣляющими экономическую организацію общества; 2) онъ отрицаетъ несомнѣнное вліяніе моральнаго и умственнаго факторовъ.

Несправедливость этихъ упрековъ нѣсколько разъ уже была доказана. Мы считаемъ все-таки полезнымъ еще разъ остановиться на нихъ, такъ какъ они все еще вновь появляются у противниковъ соціализма.

Экономическая структура и естественныя условія.

Прежде всего намъ указываютъ, что экономическая структура общества не есть первичный фактъ: что это результатъ отношеній, устанавливающихся между народонаселеніемъ и средою; что, слѣдовательно, при объясненіи общественныхъ явленій слѣдуетъ считаться съ расою, климатомъ, естественною производительностью земли, географическимъ положеніемъ.

Это само собою понятно. Но откуда взяли, что подобные трюизмы когда-либо оспаривались основателями историческаго матеріализма?*)

Еслибъ пришлось приводить цитаты для доказательства противоположнаго, мы могли бы, между многими другими, указать на характерное мѣсто въ третьемъ томѣ «Капитала». Напомнивъ зависимость и подчиненность политическихъ нормъ экономической основѣ, Марксъ заявляетъ: «это не мѣшаетъ тому, что одна и та же экономическая основа, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ чертахъ, можетъ въ дѣйствительности представлять разнообразныя до безконечности варіаціи, въ зависимости отъ безчисленныхъ экономическихъ условій, расовыхъ отношеній, историческихъ вліяній и пр. варіацій, которыя можно понять только при анализѣ конкретныхъ условій»**).

---

*) Вопросъ не въ томъ, оспариваются ли эти трюизмы, а въ томъ, правильно ли формулированы въ системѣ экономическаго матеріализма значеніе этихъ факторовъ и правильно ли опредѣленъ ихъ историческій удѣльный вѣсъ. Нѣтъ такого метафизика, который сталъ бы оспаривать трюизмъ, что пить-ѣсть нужно; однако, это же не значитъ, что идеалистъ-метафизикъ понимаетъ все то значеніе, которое имѣетъ въ исторіи человѣчества такой факторъ, какъ «голосъ желудка».

Ред.

**) У Маркса несомнѣнно можно найти гораздо болѣе яркія отдѣльныя замѣчанія о вліяніи естественныхъ условій: такъ, обращая вниманіе на то, что «родина капитала не въ тропическомъ климатѣ съ роскошной растительностью, а въ умѣренномъ поясѣ», Марксъ замѣчаетъ, что слишкомъ разсточительная природа ведетъ человѣка, какъ мать ведетъ дитя на помочахъ» и «не дѣлаетъ его собственное развитіе естественной необходимостью». «Не абсолютное плодородіе почвы, но ея дифференціація, разнообразіе ея естественныхъ продуктовъ составляетъ

Такимъ образомъ, неправильно приписывать историческому матеріализму безсмысленную тенденцію объяснять экономическую структуру общества, не принимая во вниманіе естественныхъ условій, ее опредѣляющихъ.

Марксъ и Энгельсъ не нуждались въ помощи Фулье и Массарика, чтобы замѣтить, что негры, разсѣянные въ лѣсахъ экваторіальной Африки, должны имѣть другую политическую и общественную экономію, чѣмъ арійцы, живущіе на островахъ Эгейскаго моря или семиты, утвердившіеся на берегахъ Желтой рѣки. Но, если они и признаютъ преобладающее вліяніе среды и расы съ точки зрѣнія статической, они съ другой стороны настаиваютъ на значительно меньшемъ значеніи или даже на отсутствіи ихъ значенія съ точки зрѣнія динамической*).

естественное основаніе общественнаго труда; она разнообразіемъ окружающихъ человѣка естественныхъ условій побуждаетъ его разнообразить свои собственныя потребности, способности, средства и способы труда». «Необходимость устанавливать общественный контроль надъ той или другой силой природы» по его мнѣнію, даже «играетъ рѣшающую роль въ исторіи промышленности». Мимоходомъ обобщая все это, Марксъ говоритъ о вліяніи на развитіе производительныхъ силъ, которое оказываютъ, наряду съ общественно-экономическими, также и естественныя условія, въ такихъ выраженіяхъ: они (естеств. условія) всѣ могутъ быть сведены къ природѣ самаго человѣка, расѣ и т. д. или къ окружающей его природѣ. Внѣшнія условія природы съ экономической точки зрѣнія распадаются на двѣ большія группы: естественныя богатства, воплощенныя въ средствахъ существованія, т. е. плодородіе почвы, обильныя рыбой воды и т. д., и естественныя богатства, воплощенныя въ средствахъ труда, какъ то водяная сила, судоходныя рѣки, лѣсъ, металлы, уголь и т. д. Въ началѣ цивилизаціи рѣшающее значеніе имѣетъ первый, а на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія — второй родъ естественныхъ богатствъ». Итакъ, въ разное время разныя стороны природы различно вліяютъ на экономическую жизнь народовъ, — и уже по одному этому врядъ ли возможно зачислять это вліяніе въ рубрику факторовъ неподвижныхъ и неизмѣнныхъ, статическихъ, а не динамическихъ. Здѣсь еще не отмѣчено вліяніе того, что Бокль называетъ «общимъ видомъ природы», а также и нѣкоторые стороны вліянія естественной среды, блестяще освѣщенныя въ кн. Л. Мечникова: (переведенный и на русскій языкъ). »La civilsation et les grands fleuves historiques» Paris 1889. Ред.

*) Этого мало. Вандервельдъ забываетъ, что вліяніе естественныхъ, напр., географическихъ условій по Марксу, оцѣнивается такимъ образомъ: они, сами по себѣ, даютъ только возможность опредѣленнаго развитія, но далеко еще не обусловливаютъ его необходимости. Положеніе это вѣрно въ томъ смыслѣ, что по отношеню къ результату даннаго сложнаго процесса всякій изъ составляющихъ его элементовъ или факторовъ, взятый въ отдѣльности, самъ по себѣ еще не обусловливаетъ всецѣло непзбѣжности даннаго результата, но даетъ лишь одно изъ данныхъ въ его пользу, т. е. извѣстную мѣру воз-

По ихъ мнѣнію, не измѣненіе естественныхъ условій производитъ непрестанное измѣненіе общественнаго строенія. Климатъ, раса, географическое положеніе, плодородіе почвы являются пассивными элементами, сами по себѣ неизмѣнными факторами. Единственный активный элементъ, факторъ преимущественно революціонный, это человѣческая промышленность, это экономическія условія, это измѣненіе, происходящее въ условіяхъ производства необходимаго для жизни.

Если климатъ Франціи теперь не тотъ, какъ въ Галліи временъ Цезаря, то это потому, что культура измѣнила систему орошенія и распредѣленіе лѣсовъ. Если характеръ населенія значительно измѣнился послѣ римской эпохи, то это объясняется тѣмъ, что нужды общественнаго характера вызвали переселеніе варваровъ. Если бассейнъ Средиземнаго моря пересталъ быть центромъ цивилизаціи, то это объясняется тѣмъ, что развитіе транспорта перемѣстило коммерческіе пути. Если естественныя богатства удовлетворяютъ безконечно болѣе многочисленнымъ потребностямъ, чѣмъ въ былыя времена, то это случилось потому, что наука и практика нашли средство утилизировать ихъ, а—по отношенію къ продуктамъ земли—также увеличить ихъ. Однимъ словомъ, не природа измѣнилась, а человѣкъ измѣнилъ ее.

Таковы положенія (Маркса). Они содержатъ, конечно, значительную дозу истины. Тѣмъ не менѣе, кажется, ихъ нельзя принять безъ нѣкоторыхъ ограниченій.

Можно указать случаи, когда измѣненія общественнаго строенія зависѣли исключительно отъ самобытныхъ измѣненій въ естественныхъ условіяхъ. Нельзя было бы объяснить промышленнаго и торговаго паденія Брюгге, не принимая во вниманіе засореніе Цвійна, лишившаго жителей Брюгге сообщенія съ моремъ.*) Или взявъ болѣе общій примѣръ, нельзя изучать

можности его, а лишь вся сумма условій, въ данной своей комбинаціи, превращаетъ эту возможность въ необходимость. Но въ этомъ смыслѣ и данная степень развитія производительныхъ силъ есть только потенціальный факторъ по отношенію ко всему соціальному строю даннаго времени. Ибо нельзя же принять въ серьезъ и буквально красивый парадоксъ, согласно которому «ручная мельница даетъ намъ феодальное общество». Ред.

*) Намъ кажется, что еще важнѣе тотъ неотмѣченный Вандервельдомъ фактъ, что различныя стороны естественной среды, разновременно входя въ кругъ дѣятельности человѣка, обнаруживаютъ свое дѣйствіе—различное въ разныхъ странахъ—также разновременно, и потому равносильны, по своему дѣйствію, факторамъ динамическимъ, мѣняющимся, а не неизмѣннымъ. Такъ, лишь на извѣстной ступени промышленнаго развитія сказалось на судьбахъ всемірной цивилизаціи то обстоятельство, что длившійся когда то цѣлые вѣка геологическій процессъ накопилъ на великобританскихъ островахъ безпримѣрные по величинѣ слои каменнаго угля. Ред.

соціологію, не изслѣдуя вліянія роста народонаселенія на всѣ проявленія общественной жизни.*)

Замѣтимъ, однако, что этотъ ростъ, при первобытномъ состояніи культуры и промышленности, заключенъ въ очень тѣсныя рамки, что съ другой стороны самобытныя измѣненія физической среды могутъ быть въ общемъ разсматриваемы, какъ второстепенные факторы сравнительно съ искусственными измѣненіями, вносимыми человѣческимъ трудомъ. Такимъ образомъ, разсматривая вопросъ въ общихъ чертахъ съ точки зрѣнія непродолжительнаго историческаго момента, надо признать, что болѣе всего вліяютъ на измѣненія земной поверхности человѣческая промышленность. Естественно, что эти безпрестанныя измѣненія не ограничиваются естественными условіями. Они составляютъ главную движущую силу исторіи, отъ нихъ прежде всего зависитъ политическія и религіозныя революціи. Но изъ этого не слѣдуетъ, и марксисты этого не утверждаютъ, что умственные и нравственные факторы не играютъ никакой роли въ общественной эволюціи.

Нравственные и умственные факторы.

Однако имъ продолжаютъ приписывать это мнѣніе. Напр. въ прошломъ году во французскомъ философскомъ обществѣ Галеви поддерживалъ противъ Сореля мнѣніе, что воздѣйствіе

---

*) Вандервельдъ забываетъ прибавить, что марксисты совершенно незаконно отрицаютъ самостоятельность этого фактора — несомнѣнно даже болѣе первичнаго сравнительно съ ростомъ средствъ производства. Не надо забывать, что способность всякаго животнаго вида къ безграничному размноженію, при ограниченности самой земной поверхности, Ч. Дарвиномъ была положена въ основу даже закона доисторической, животной борьбы за существованіе. Та же тенденція къ размноженію заставляетъ и людей либо научиться добывать съ данной площади большее число средствъ къ существованію — а, слѣдовательно, развивать свои производительныя силы—либо, если какія нибудь сложныя причины этому мѣшаютъ — сбыть излишекъ населенія на сторону, путемъ переселеній, эмиграціи.

Марксисты пытаются устранить это сведеніе самаго экономическаго процесса къ болѣе первичнымъ факторамъ, выставляя странное положеніе, что «абстрактные законы размноженія» свойственны, якобы только животнымъ и растеніямъ; что же касается человѣка, то законъ размноженія его опредѣляется общественными условіями каждой данной эпохи. Это положеніе основано просто на грубомъ смѣшеніи фактическаго хода роста народонаселенія съ біологической тенденціей, которой свойственны опредѣленные, своеобразные законы. Фактическій ходъ опредѣляется не только внутренней біологической тенденціей, но и внѣшними условіями: это вѣрно для животныхъ не менѣе, чѣмъ для людей. Поэтому, біологическіе законы размноженія и у животныхъ, и у людей одинаково «абстрактны» (какъ абстрактны всякіе законы); фактическое же распространеніе всякаго отдѣльнаго вида опредѣляется извѣстными конкретными условіями у животныхъ, какъ и у людей. Ред.

духовнаго элемента на матеріальный по ученію Маркса невозможно, что въ этой невозможности и заключается сущность историческаго матеріализма. Онъ долженъ былъ однако признаться, что объясняя такимъ образомъ марксизмъ, онъ долженъ былъ отвергнуть не только сознанія Энгельса, но и самаго Маркса, когда тотъ говоритъ не въ качествѣ систематика-философа, а какъ журналистъ и глава партіи.

Мы не можемъ допустить такого произвольнаго дѣленія въ трудѣ, всѣ части котораго взаимно дополняютъ и объясняютъ другъ друга. Болѣе того, Марксъ приписываетъ большое значеніе вліянію идей не только въ своихъ памфлетахъ и циркулярахъ Интернаціонала. Его тезисы о Фейербахѣ, написанные въ 1845 году, категорически гласятъ, что философія должна быть не только созерцаніемъ вещей, но и средствомъ воздѣйствовать на нихъ. Съ другой стороны, нельзя допустить толкованій марксизма, въ которыхъ не принято во вниманіе то развитіе его основныхъ положеніе, которое дано въ сочиненіяхъ Энгельса, духовнаго брата Маркса. А Энгельсъ въ письмахъ 1890—1895 гг. категорически заявляетъ, что политическія, юридическія, философскія и религіозныя процессы имѣютъ своей основой экономическое развитіе, но что они воздѣйствуютъ другъ на друга и на свою экономическую основу. Поэтому мы вправѣ заключить, что марксизмъ, поставившій гегелевскую діалектику на ноги, не отрубилъ ей головы. Самое большое, что можно было бы указать, что въ борьбѣ съ противоположной крайностью творцы историческаго матеріализма недооцѣнили значеніе идеологическихъ факторовъ.*) Но по нашему мнѣнію болѣе правильно сказать, что они само собою его подразумѣвали, такъ какъ не смотря на внѣшность весь ихъ трудъ одушевленъ могучимъ идеалистическимъ порывомъ. Критикуя капитализмъ, они прибѣгаютъ къ самымъ абстрактнымъ формамъ мышленія, но, въ послѣднемъ счетѣ, ихъ разсужденія основаны на постулатѣ нравственнаго характера**): по справедливости всякій работникъ долженъ получить цѣликомъ продукты своего труда. Чтобы обезпечить торжество соціализма, они расчитываютъ на дѣйствія экономическихъ силъ, но также и на дѣйствіе силъ нравственныхъ и умственныхъ: весь коммунистическій манифестъ — это горячій призывъ къ сознанію пролетаріата, къ его энергіи, иниціативѣ и чувствамъ солидарности. Да наконецъ, развѣ воздѣйствіе экономическихъ силъ не предполагаетъ само собою постояннаго вмѣшатель-

*) «Мы должны были доказывать нашимъ противникамъ значеніе основнаго принципа ими отрицаемаго (экономической стороны) и потому мы не всегда имѣли время, возможность и случай достаточно оцѣнить другіе факторы взаимодѣйствія». Энгельсъ, изъ писемъ 1890 г.

**) Какъ извѣстно, именно это и отрицалось Энгельсомъ самымъ категорическимъ образомъ. Ред.

ства человѣческаго духа? Съ полнымъ правомъ утверждаютъ, что постройка желѣзной дороги, устройство фабрики, открытіе каменноугольныхъ залежей, изобрѣтеніе новой машины вліяетъ больше на политику и религію, чѣмъ сто рѣчей или сочиненій. Но что такое эти изобрѣтенія, эти открытія, эти техническія революціи, какъ не приложеніе человѣческаго ума къ матеріи?

Каутскій говоритъ, что историческій матеріализмъ не отрицаетъ двигательной силы человѣческаго ума въ обществѣ, но лишь даетъ иное объясненіе, чѣмъ общепринятое, дѣйствію этой силы. Она является не господиномъ экономическихъ условій, но ихъ слугою. Они диктуютъ ей задачи для исполненія, они даютъ средства для разрѣшенія. Непосредственная цѣль, которую ставитъ себѣ человѣческій умъ, можетъ быть вполнѣ преднамѣренною, но каждое изъ рѣшеній должно имѣть послѣдствія, которыя онъ не можетъ предвидѣть, и которыя часто противорѣчатъ его предвидѣнію (Каутскій: Was will und kann die materialistische Geschichtsauffassung leisten? Neue Zeit. 1896-1897, 1, p. 231).

Мы хотѣли бы больше остановиться на этомъ интересномъ этюдѣ, изъ котораго мы заимствуемъ цитату; это было бы лучшимъ средствомъ показать несправедливость упрековъ, которые часто дѣлаютъ тѣмъ, кого очень неправильно называютъ ортодоксальными марксистами. Какъ и самъ Марксъ, они не хотятъ быть мистиками на-изнанку. Для нихъ, какъ и для всѣхъ, процессъ производства и обмѣна является по необходимости психофизическимъ актомъ. Экономическая организація, какъ и всякое общественное строеніе, —это твореніе человѣческаго ума, соприкоснувшагося съ дѣйствительностью. То, что они не совсѣмъ точно называютъ историческимъ матеріализмомъ, могло бы называться и идеализмомъ, потому что они допускаютъ, что всякое общественное явленіе есть и интеллектуальный фактъ.*) Только, само собою, этотъ марксисткій идеализмъ существенно отличается отъ обычнаго. Вмѣсто того, чтобы видѣть въ политикѣ нравственность, религію, философію—явленія цѣликомъ или частью независимыя отъ эко-

*) Разъ это положеніе признается, то должно сдѣлать изъ него всѣ необходимые выводы, а именно, что экономика, право и соціальная идеологія суть лишь схваченныя въ отвлеченіи, въ абстракціи стороны соціальной жизни, которая реально есть неразрывное цѣлое; что эти абстрактно разчленяемыя стороны не могутъ противопоставляться другъ другу въ причинномъ отношеніи, какъ фундаментъ и надстройка, или еще какъ нибудь въ этомъ же родѣ. А тѣмъ болѣе въ этомъ случаѣ невозможно разсматривать процессъ развитія какой бы то ни было изъ этихъ сторонъ, какъ что-то самодовлѣющее и «въ послѣднемъ счетѣ» объясняющее развитіе всѣхъ другихъ.

Ред.

номической среды, онъ, напротивъ, утверждаетъ, что «экономическое строеніе общества есть реальная основа, въ которой вся надстройка религіозныхъ, философскихъ и другихъ учрежденій во всякій данный періодъ находитъ *въ послѣднемъ счетѣ* свое объясненіе» (Энгельсъ). Намъ кажется, что именно здѣсь можно выразить нѣкоторое сомнѣніе, формулировать отоворки или по крайней мѣрѣ поставить нѣкоторый вопросъ.

Роль экономическихъ факторовъ.

Конечно, мы вполнѣ признаемъ преобладающее значеніе экономическихъ явленій, какъ болѣе простыхъ и болѣе общихъ: primo vivere, deinde philosophari(сперва жить, потомъ философствовать). Мы наблюдаемъ каждый день революціонное вліяніе промышленныхъ измѣненій. Еще Контъ настаивалъ на этомъ въ 6-омъ томѣ позитивной философіи. Наконецъ, мы допускаемъ невозможность раціональнаго объясненія исторіи права, нравственности и религій, если не считаться съ измѣненіями въ способахъ производства матеріальной жизни. Но слѣдуетъ ли идти дальше и допустить, какъ это иногда дѣлаютъ или повидимому дѣлаетъ Марксъ, что способы производства матеріальной жизни являются опредѣляющими причинами процессовъ общественной, политической и духовной жизни? Такія теоріи, которыя видятъ въ идеологіи простой продуктъ, прямой или косвенный, экономическихъ условій, наталкиваются на тѣ же трудности, что и философскій матеріализмъ, утверждающій, что матерія рождаетъ духъ, что мозгъ выдѣляетъ мысли, какъ печень—желчь. Совершенно справедливо, что мы не можемъ понять чистаго духа, мы не можемъ отдѣлить мысль отъ матеріальнаго субстрата, но вмѣсто того, чтобы устанавливать существенное различіе или отношеніе причинности между духомъ и матеріей, монизмъ разсматриваетъ то и другое, какъ двѣ стороны одной субстанціи.*) Точно

*) Не можемъ не замѣтить, что этотъ «субстанціальный» монизмъ отнюдь не является послѣднимъ словомъ науки. Наука не знаетъ никакихъ абсолютныхъ «субстанцій». Для нея духъ и матерія лишь двѣ стороны одного и того же явленія (высоко организованнаго живого существа). Поскольку человѣкъ наблюдаетъ другого человѣка извнѣ — ему непосредственно открывается матеріальная сторона человѣческой организаціи; какъ бы далеко онъ ни углубился съ помощью ланцета и микроскопа «внутрь» организма, онъ никогда не встрѣтитъ ничего «духовнаго», и лишь посредственно онъ умозаключаетъ о «психологической» сторонѣ другого индивида, строя ее изъ матеріаловъ собственной психологіи и руководясь при этомъ сужденіемъ по аналогіи и сходствомъ внѣшнихъ проявленій. Наоборотъ, поскольку человѣкъ наблюдаетъ свою собственную «внутреннюю» жизнь — онъ лишь посредственно заключаетъ о физіологическомъ нервномъ процессѣ, совершающемся въ немъ самомъ; никакимъ напряженіемъ вниманія онъ не уловитъ происходящаго въ его мозгу молекулярнаго движенія; непосредственно онъ можетъ регистрировать лишь свои мы-

также мы не думаемъ, чтобы мораль, философія и религія какой-нибудь эпохи были независимы отъ экономическихъ условій современныхъ или прошлыхъ. Мы не можемъ отдѣлить соціальной психики отъ соціальной физики. Однако, изъ того, что эволюція идей неразрывно связана съ матеріальной эволюціей, не слѣдуетъ, что одна является причиной другой. Намъ не понятно, когда говорятъ, что симфонія Бетховена или Моцарта, метафизика Канта или Спинозы, религія Магомета или Христа—это продукты общественной среды, въ которой они родились. Это все равно, какъ еслибы сказать, что растенія—продукты земли потому, что сѣмена нуждаются въ землѣ, чтобы дать ростокъ. Также, какъ растенія не существовали бы безъ земли, такъ и произведенія искусства, религіи или философскія системы не существовали бы безъ экономической структуры, безъ общественныхъ условій, которые дѣлаютъ возможнымъ ихъ существованіе; но ихъ не было бы и безъ человѣческаго ума, который создаетъ ихъ. Поэтому, чтобы не впасть въ абсурдъ, слѣдуетъ сказать, что идеологіи являются продуктами не экономической среды, а отношеній, устанавливающихся между человѣческимъ умомъ и экономической средой. И, пожалуй, даже это выраженіе слишкомъ узко. Различіе экономическихъ и соціальныхъ условій можетъ объяснить намъ различіе религій и философскихъ системъ, но не ихъ сходство, не ихъ общихъ идей. Каково бы ни было экономическое строеніе общества, будь ли то халдейскихъ пастуховъ или пролетаріевъ 20 вѣка, но человѣкъ самою силою вещей принужденъ искать рѣшенія цѣлаго ряда задачъ (или принять готовое рѣшеніе), не имѣющихъ никакого прямого отношенія къ способу производства матеріальной жизни: существуетъ ли богъ или нѣтъ, свободна воля или нѣтъ, безсмертна ли человѣческая душа. Философскія и религіозныя системы являются отраженіями или вѣрнѣе, идеализаціями не только экономической дѣйствительности, но и всей реальной жизни вообще. Но если ихъ постоянные признаки соотвѣтствуютъ

сли, впечатлѣнія, ощущенія. Итакъ: дуализмъ «матеріи» и «духа» есть вовсе не дуализмъ какихъ то особыхъ «силъ» или «началъ», и даже не дуализмъ «модусовъ» проявленія какой то третьей сущности, лежащей за поверхностной корой явленій; такая въ недоступныхъ глубинахъ лежащая субстанція или сверхъ-реальность нигдѣ не дана намъ въ опытѣ, и ничто въ опытѣ не указываетъ на ея существованіе; и ея предположеніе есть просто воскрешеніе, въ приличныхъ времени формахъ, «невѣдомаго бога» древнихъ грековъ. Метафизики не замѣчаютъ, что различеніе духа и матеріи сводится просто на различіе точекъ зрѣнія, съ которыхъ разсматривается цѣлостное живое существо, и на проистекающій отсюда дуализмъ методовъ изслѣдованія единаго объекта,— а вовсе не на дуализмъ объектовъ.

Ред.

тому, что есть неизмѣннаго въ природѣ, то исторію ихъ измѣненій или особенностей можно изучить, лишь познакомившись съ особенностями и съ измѣненіями въ общественной экономіи.

И то, что вѣрно для исторіи религій и философскихъ системъ, еще болѣе примѣнимо къ исторіи права и политическихъ учрежденій.

Историческій матеріализмъ, если употреблять этотъ общепринятый терминъ*), представляется намъ прежде всего въ видѣ метода, какъ средство объяснить поверхностныя явленія коллективной жизни факторами менѣе очевидными, но болѣе вліятельными, скрытыми въ экономическихъ нѣдрахъ общества.

Реалистическое пониманіе исторіи.

При изученіи историческаго явленія прежде всего замѣчаютъ мотивы, его принципы, которые провозглашаются. Когда Соединенные Штаты объявляютъ войну Испаніи, намъ заявляютъ, что дѣло идетъ о помощи Кубанскимъ революціонерамъ; о независимости колоній, скандально эксплуатируемыхъ метрополіей, о помощи голодающимъ плѣнникамъ генерала Вейлера; и конечно эти либеральные и гуманные резоны дѣйствуютъ на умы, вызываютъ энтузіазмъ; однако, чтобы познакомиться съ другими мотивами войны, съ тѣми, которые тщательно скрываются заинтересованной стороной, необходимо прибѣгнуть къ матеріалистическому объясненію исторіи. Смѣлые изслѣдователи находятъ ихъ подъ тройнымъ слоемъ нравственныхъ, политическихъ и религіозныхъ формулъ въ экономической подкладкѣ; американскіе капиталисты давно уже предприняли завоеваніе Кубы; они вложили отъ 30-50 милліоновъ въ сахарныхъ плантаціяхъ и заводахъ; возстанію не предвидится и конца; коммерческія отношенія страдаютъ отъ него; невыносимая фискальная политика Испаніи мѣшаетъ торговлѣ; Соединенные Штаты, страдая отъ перепроизводства, должны во чтобы то ни стало найти новые рынки, стать твердой ногой на крайнемъ Востокѣ, овладѣть Великимъ океаномъ, а для торжества этой имперіалистической идеи, испанскія колоніи должны исчезнуть. Да здравствуетъ свободная Куба!... Вонъ Филлипинскихъ монаховъ!

Историкъ или государственный дѣятель, который не принялъ бы во вниманіе этихъ скрытыхъ мотивовъ, не оцѣнилъ

*) Кроче вѣрно говоритъ: «я сожалѣю, что выбрали слово матеріализмъ, которое ничѣмъ не оправдывается въ данномъ случаѣ, порождаетъ много недоразумѣній и играетъ на руку противникамъ. По отношенію къ исторіи я охотнѣе употребилъ бы выраженіе реалистическое пониманіе исторіи, которое ярко подчеркиваетъ отрицаніе всякой телеологіи и метафизики въ исторіи («Историческій матеріализмъ и марксистская экономія»).

бы громадной важности экономическихъ явленій въ общественной жизни, совершенно не понялъ бы ея эволюціи. Но повторяемъ, съ другой стороны, было бы не менѣе опаснымъ непониманіемъ останавливаться исключительно на скрытыхъ мотивахъ, объяснять все прямымъ вліяніемъ экономическихъ причинъ, принизить вліяніе идей, чувствъ, политической, нравственной и религіозной дѣятельности на ходъ явленій.

Политическая, моральная и умственная дѣятельность.

Нѣкоторые, какъ К. Корнелиссенъ, ученикъ и Маркса, и Бакунина, не хотятъ и слышать о политической дѣятельности, возлагая всѣ надежды на авторитетную организацію рабочаго класса. Другіе относятся съ полнымъ презрѣніемъ къ моральной дѣятельности: подъ предлогомъ, напр., что алкоголизмъ имѣетъ экономическія причины, они упорно отказываются что либо дѣлать въ современномъ обществѣ для уничтоженія этого зла. Третьи, наконецъ, видятъ въ борьбѣ противъ церкви лишь отвлеченіе силъ и заявляютъ, что религіозный вопросъ будетъ разрѣшенъ соціальной революціей и потому совершенно безполезно и даже вредно заниматься ею теперь Эти различныя мнѣнія, основанныя на теоретической ошибкѣ, встрѣчаютъ все меньше одобренія среди рабочихъ. Повсюду и особенно въ Англіи исключительный трэдъ-юніонизмъ идетъ къ упадку. Рабочій классъ, видя выгоды, извлекаемыя буржуазіей изъ политической власти, стремится овладѣть ею. Съ другой стороны, нравственные вопросы, которыми прежде пренебрегали, ставятся на очередь соціалистическими конгрессами. Въ Бельгіи, Швейцаріи, Австріи, благодаря такимъ марксистамъ, какъ Отто Лангъ или Викторъ Адлеръ, соціалистическая прогаганда противъ алкоголизма перестаетъ быть словесной и платонической. И если намъ укажутъ на усмѣшку, съ какой относятся къ этому вопросу нѣмецкіе товарищи, то я скажу, что съ такой же снисходительной усмѣшкой встрѣчалась когда то наша пропаганда благотворности соціалистической кооперація.

Что касается религіознаго вопроса, то достаточно взглянуть на современное политическое положеніе Европы, чтобы убѣдиться, какъ рабочія партіи въ большинствѣ склонны скорѣе преувеличивать, чѣмъ преуменьшать значеніе, очень серьезное, прямой борьбы противъ клерикализма. Сознательные соціалисты погрѣшили бы противъ самыхъ элементарныхъ своихъ обязанностей, если бы они, постоянно имѣя въ виду основные принципы, не старались энергично удерживать пролетаріатъ на почвѣ классовой борьбы. Этимъ объясняется практически извѣстное заявленіе нѣмецкой соціалъдемократіи на Эрфуртскомъ конгрессѣ: религія — частное дѣло. Это значитъ, что соціалисты, какъ политическая партія, обращаются ко всѣмъ

рабочимъ для борьбы противъ капитализма, не спрашивая объ ихъ философскихъ и религіозныхъ взглядахъ. Это значитъ также, что въ обществѣ, въ которомъ антагонизмъ вѣрованій отражаетъ антагонизмъ интересовъ, отдѣленіе церкви отъ государства, секуляризація всякой общественной службы является единственнымъ возможнымъ для всѣхъ рѣшеніемъ. Въ этомъ смыслѣ и въ такомъ размѣрѣ мы вполнѣ принимаемъ эрфуртскую формулу; она обозначаетъ собственно свободу совѣсти и независимость свѣтской власти. Но должно признать, что эта формула имѣетъ серьезное неудобство: она подаетъ поводъ къ двусмысленности и изобилуетъ недоразумѣніями. Ее можно понять—а иные и въ самомъ дѣлѣ понимаютъ ее, какъ ограниченіе соціализма одними политическими и экономическими вопросами: «займемся землею, а небо оставимъ ангеламъ и воробьямъ». Тѣ, которые говорятъ такъ, не понимаютъ, какое глубокое воздѣйствіе оказываетъ религіозная метафизика на соціальную физику. Религія—это одновременно и космологія и соціологія, напр., католицизмъ не ограничивается объясненіемъ міра, онъ занимается не только вѣрою, но правами. Во имя откровенія, въ которое большинство богачей уже не вѣритъ, онъ заставляетъ принимать общественную мораль, правила которой рѣшительно противорѣчатъ земнымъ интересамъ бѣдняковъ. Когда бѣдняки поймутъ, что богачи перестали уже вѣрить, потому что это для нихъ научно невозможно и что они скрываютъ свое невѣріе, потому что имъ выгодна вѣра другихъ, часъ католицизма пробьетъ. Но чтобы пораженіе старыхъ вѣрованій было рѣшительно, нужно, чтобы соціализмъ поднялся выше будничныхъ заботъ; нужно, чтобы цѣлостному міросозерцанію церкви было противопоставлено не менѣе цѣлостное пониманіе права, нравовъ, общества, міра. Чтобы довести подобное дѣло до конца, нужно всѣми силами упрочить тотъ плодотворный союзъ мыслителей и пролетаріевъ, о которомъ Марксъ писалъ въ «Франко-Прусскихъ Анналахъ» 44 г.: «движеніе эмансипаціи имѣетъ голову философію, сердцемъ пролетаріатъ. Идеалъ философіи не можетъ осуществиться безъ поднятія пролетаріата; пролетаріатъ не можетъ подняться безъ осуществленія философскаго идеала. Но когда всѣ внутреннія условія этого момента будутъ, наконецъ, на лицо, мы услышимъ, какъ пѣніе гальскаго пѣтуха возвѣститъ возрожденіе Германіи».

Много понадобилось времени, гораздо больше, чѣмъ думалъ Марксъ для того, чтобы его предсказанія начали осуществляться.

XIX столѣтіе было одновременно и вѣкомъ рабочихъ, и вѣкомъ ученыхъ. Но до послѣднихъ лѣтъ наука и демократія каждая въ отдѣльности стремились къ одной и той же цѣли, какъ воды тѣхъ рѣкъ, которыя текутъ, не смѣшиваясь. Отны-

нѣ это соединеніе совершилось или наканунѣ совершенія. Такія учрежденія, какъ новый университетъ, какъ народные университеты, какъ распространеніе на народныя массы высшаго образованія, облегчаютъ это сближеніе. Люди науки идутъ въ народъ. Народъ идетъ къ ученому. Недовѣріе исчезаетъ, предубѣжденія сглаживаются; теорія и практика примиряются. На разсвѣтѣ XX столѣтія Гальскій пѣтухъ начинаетъ пѣть; съ другой стороны Рейна рабочіе поднимаются и по всему міру милліоны голосовъ повторяютъ: «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!»

Э. Вандервельдъ.

